ЗА КОМПЬЮТЕРОМ К. КЕДРОВА СИДЕЛИ

2 *Генрих Сапгир, Андрей Вознесенский*

3-4-5-6-7 *Константин Кедров, Кристина Зейтунян-Белоус, Бернхард Замес, Павел Тюрин, Надежда Ли, Румен Шомов, Милагроса Ромаро Сампер, Михаил Евзлин, Петер Ван Нюнен, Феликс Гринберг, Галина Мальцева*

8-9 *Кирилл Ковальджи, Евгений Зуев*

10-11 *Ефим Лямпорт*

12-13-14-15 *Константин Кедров, Анатолий Умеров, Феликс Гринберг*

16-17 *Ольга Адрова*

18 *Анатолий Кудрявицкий, Николай Ерёмин, Анатолий Золотухин*

19 *Вадим Рабинович, Елена Кацюба*

20-21-22 *Константин Кедров, Феликс Гринберг*

23-24-25-26-27 *Сергей Гуданов, Константин Кедров, Яков Красновский*

28 *Константин Кедров, Елена Кацюба*

29-30-31 *Александр Люсый, Виктор Ахломов, Галина Мальцева, Константин Кедров*

32 *Валерия Нарбикова, Александр Тягны-Рядно*

33-34 *Алина Витухновская, Константин Кедров*

35 *Константин Кедров, Вилли Мельников*

36-37 *Андрей Цуканов, Людмила Вязмитинова, Константин Кедров, Елена Кацюба*

38 *Алексей Хвостенко, Эдмунд Иодковский, Леонид Малахов*

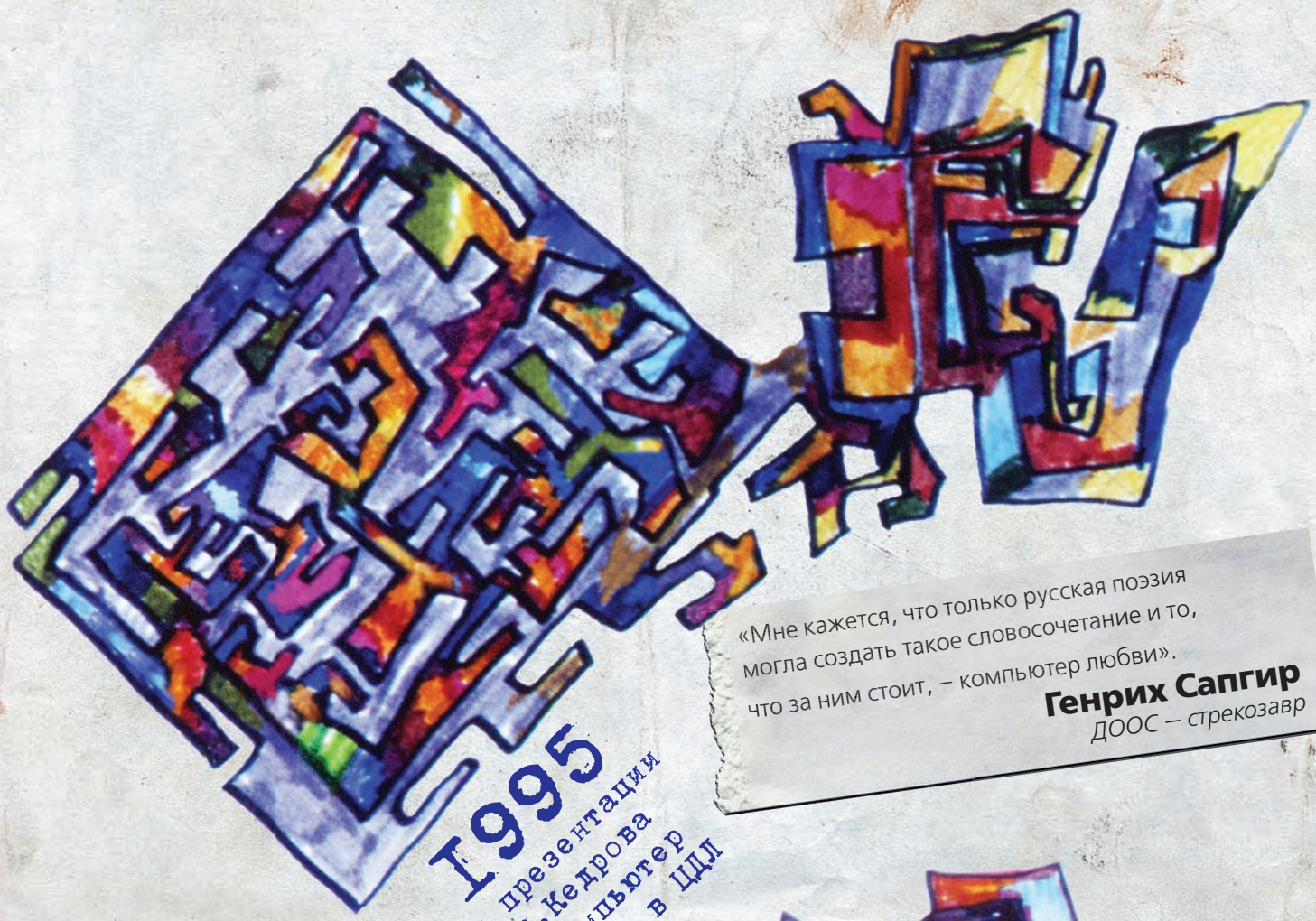
39-40-41 *Фадей Осинников, Константин Кедров*

42-43-44-45 *Сергей Бирюков, Евгений Зуев, Виктор Ахломов, Маргарита Аль, Елена Кацюба*

46-47 *Константин Кедров*

Да, мне 70 лет, ну и что же?
Всё равно я вселенной моложе
на 13 миллиардов 700 тысяч лет.
70 лет – мой ответ.

Константин Кедров



«Мне кажется, что только русская поэзия могла создать такое словосочетание и то, что за ним стоит, – компьютер любви».

Генрих Сапгир
ДООС – стрекозавр

1995
на презентации
К.Кедрова
«Компьютер
любви» в ЦДЛ

«Я думаю, что вот это сочетание «компьютер любви» – это не просто. Это вещь давняя, может быть, но она издана именно сейчас, потому что именно сейчас это сочетание для России точное. Потому что именно, думаю, вот школьники, студенты – они сейчас к компьютеру, и именно сейчас – возраст любви. Перефразируя нашу известную формулу, можно сказать: Россия – это должна быть любовь плюс компьютеризация всей страны. Не просто поэт такой герметический, это орган какого-то литературного процесса. Я думаю, что если бы его не было, у нас все пошло бы наперекосяк... И потом, одно слово, полслова – это минимализм, это образ, сжатый донельзя, который и в 21-ом веке... останется, а не те тонны слов лишних, которые написаны».

Андрей Вознесенский
ДООС – стрекозавр

Рисунки **Константина Кедрова.**

Константин Кедров
доктор философских наук
ДООС – стихозавр

ПОэма

1983 КОМПЬЮТЕР любви

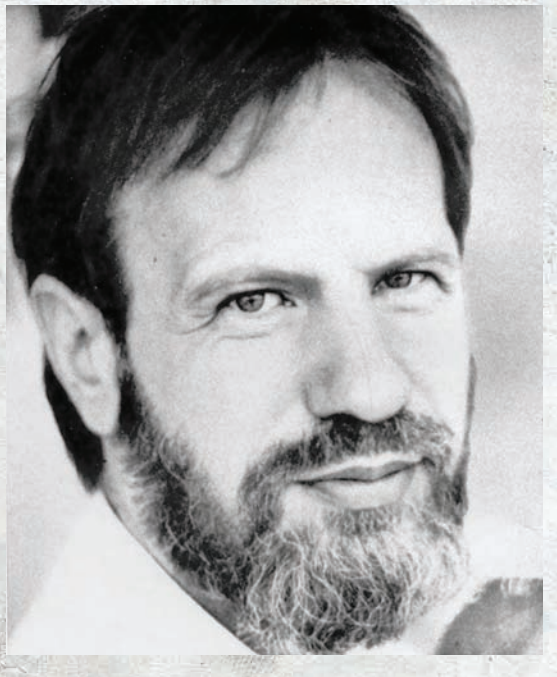


Фото Александра Кривомазова.

Эта поэма – своего рода поэтическая энциклопедия метакода и метаметафоры. Финал поэмы, исходя из формулы Эйнштейна $E = mc^2$, дает образ вселенского человека – Homo Cosmicus, чье тело состоит из света радиусом в 19 млрд. световых лет, или из всех людей. В сущности это лирическая поэма о любви, где отношения между мужчиной и женщиной есть отношение между человеком и космосом.

Небо – это высота взгляда
Взгляд – это глубина неба

Боль – это прикосновение Бога
Бог – это прикосновение боли

Выдох – это глубина вдоха
вдох – это высота ыдохаА

Свет – это голос тишины
Тишина – это голос света
Тьма – это крик сияния
Сияние – это тишина тьмы

Радуга – это радость света
Мысль – это немота души

Свет – это глубина знания
Знание – это высота света

Конь – это зверь пространства
Кошка – это зверь времени
Время – это пространство свернувшееся в клубок
Пространство – это развернутый конь

Кошки – это коты пространства
Пространства – это время котов

Пушкин – это вор времени
Поэзия Пушкина – это время вора

L'ordinateur de l'amour
на французском

Le ciel, c'est la hauteur du regard
Le regard c'est la profondeur du ciel

La souffrance, c'est le contact de Dieu
Dieu,c'est le contact de la souffrance

L'expiration. c'est la profondeur de l'inspiration
L'inspiration, c'est la hauteur de l'expiration

La lumière, c'est la voix du silence
Le silence,c'est la voix de la lumière
L'obscurité, c'est le cri de la clarté
La clarté, c'est le silence des ténèbres

L'arc-en-ciel, c'est la joie de la lumière
La pensée, c'est le mutisme de l'âme

Computer der Liebe
на немецком

Welt ist die Tiefe des Wissens
Wissens ist die grösse der Welt

Pferd ist das Tier des Raumes
Katze ist das Tier der Zeit
Zeit ist zum Knäuel gerollte Raum
Raum ist das entrollte Pferd

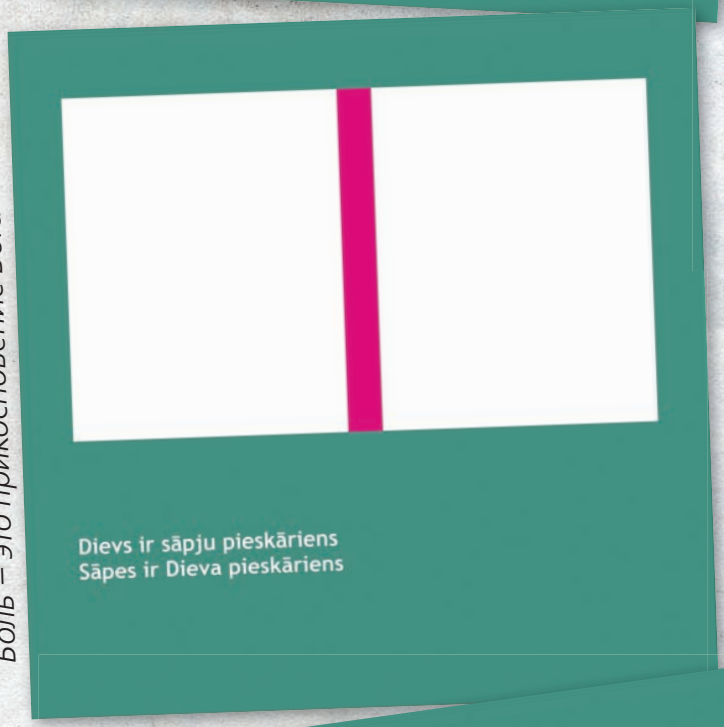
Katzen sind Katter des Raumes
Raum ist die Zeit der Katter

Puschkin ist der Dieb der Zeit
Die Poesie Puschkins ist eine Zeit des Diebes.

Следующая страница

Небо – это ширина взгляда

Солнце – это луна любви



Боль – это прикосновение Бога

Корабль – это пристань всего океана

Свет – это голос тишины

Иллюстрации Павла Тюрина (Рига, Латвия) к «Компьютеру любви».

Константин Кедров

사랑의 컴퓨터 на корейском

Солнце – это тело луны
Тело – это луна любви

Пароход– это железная волна
Вода – это пароход волны

Печаль – это пустота пространства
Радость – это полнота времени
Время – это печаль пространства
Пространство – это полнота времени

Человек – это изнанка неба
Небо – это изнанка человека

태양이 달의 몸이며
몸은 사랑의 달이다

기선이 철 파도이며
물은 파도의 기선이다

슬픔이 공간의 공허함이며
즐거움은 시간의 완전성이다
시간이 공간의 슬픔이며
공간은 시간의 완전성이다

사람이 하늘의 내부이며
하늘은 사람의 내부이다

Компютърът на любовта на българском

Прикосновение – это граница поцелуя
Поцелуй – это безграничность прикосновения

Женщина – это нутро неба
Мужчина – это небо нутра

Женщина – это пространство мужчины
Время женщины – это пространство мужчины

Любовь – это дуновение бесконечности
Вечная жизнь – это миг любви

Корабль – это компьютер памяти
Память – это корабль компьютера

Докосване – това е границата на целувката
Целувка – това е безграничността на докосването

Жена – това е вътрешността на небето
Мъж – това е небето на вътрешността

Жена – това е пространството на мъжа
Времето на жената – това е пространството на мъжа

Любов – това е полъхът на безкрая
Вечен живот – това е мигът любов

Кораб – това е компютърът на паметта
Памет – това е корабът на компютъра

Computer of Love на английском

Море – это пространство луны
Пространство – это море луны

Солнце – это луна пространства
Луна – это время солнца
Пространство – это солнце луны
Время – это луна пространства
Солнце – это пространство времени

Звезды – это голоса ночи
Голоса – это звезды дня

Корабль – это пристань всего океана
Океан – это пристань всего корабля

Кожа – это рисунок созвездий
Созвездия – это рисунок кожи

Христос – это солнце Будды
Будда – это луна Христа

The sea is the space of the Moon
The space is the sea of the Moon

The Sun is the Moon of space
The Moon is the time of the Sun
Space is the Sun of the Moon
Time is the Moon of space
The Sun is the space of time

Stars are the voices of night
Voices are the stars of day

The ship is the refuge of the whole ocean
The ocean is the refuge of the whole ship

The skin is a drawing of constellations
Constellations are the skin's drawing

Christ is the Sun of Buddha
Buddha is the Moon of Christ

Следующая страница

Константин Кедров

Время солнца измеряется луной пространства
Пространство луны – это время солнца

Горизонт – это ширина взгляда
Взгляд – это глубина горизонта
Высота – это граница зрения

Проститутка – это невеста времени
Время – это проститутка пространства

Ладонь – это ладонь для невесты
Невеста – это лодочка для ладони

Верблюд – это корабль пустыни
Пустыня – это корабль верблюда

Любовь – это неизбежность вечности
Вечность – это неизбежность любви

Красота – это ненависть к смерти
Ненависть к смерти – это красота

Созвездие Ориона – это меч любви
Любовь – это меч созвездия Ориона

Малая Медведица –
это пространство Большой Медведицы
Большая Медведица –
это время Малой Медведицы

Полярная звезда – это точка взгляда
Взгляд – это ширина неба
Небо – это высота взгляда
Мысль – это глубина ночи
Ночь – это ширина мысли

Млечный Путь – это путь к Луне
Луна – это развернутый Млечный Путь
Каждая звезда – это наслаждение
Наслаждение – это каждая звезда

Пространство между звездами –
это время без любви
Любовь – это набитое звездами время
Время – это сплошная звезда любви

Люди – это межзвездные мосты
Мосты – это межзвездные люди

Страсть к слиянию – это перелет
Полет – это продолженное слияние
Слияние – это толчок к полету
Голос – это бросок друг к другу

Computer d'amore
на итальянском

Il tempo del sole si misura con la luna dello spazio
Lo spazio della luna è il tempo del sole

L'orizzonte è la larghezza dello sguardo
Lo sguardo è la profondità dell'orizonte
L'altezza è il confine della vista

La prostituta è la sposa del tempo
Il tempo è la prostituta dello spazio

La mano è una barchetta per la sposa
La sposa è una barchetta per la mano

Il camello è la nave del deserto
Il deserto è la nave del camello

L'amore è l'ineluttabilità dell'eternità
L'eternità è l'ineluttabilità dell'amore

De Computer van de Liefde
на голландском

schoonheid is haat jegens de dood
haat van de dood is een schoonheid

sterrenbeeld Orion is het zwaard van de liefde
de liefde is het zwaard van sterrenbeeld Orion

de Kleine Beer is de ruimte van de Grote Beer
de Grote Beer is de tijd van de Kleine Beer

de Poolster is het middelpunt van de blik
de blik is de breedte van de hemel
de hemel is de hoogte van de blik
de gedachte de diepte van de nacht
de nacht de breedte van de gedachte

Ordenador de Amor
на испанском

La Vía Láctea es el camino a la luna
La luna es la Vía Láctea desplegada
Cada estrella es un goce
El goce es cada estrella

El espacio entre las estrellas
es el tiempo sin amor
El amor es el tiempo lleno de estrellas
EI tiempo es una estrella entera de amor

Los hombres son puentes interestelares
Los puentes son hombres interestelares

La pasión por la fusión es un vuelo
El vuelo es una fusión continua
La fusión es un impulso al vuelo
La voz es un lanzamiento del uno al otro

Страх – это граница линии жизни в конце ладони
Непонимание – это плач о друге
Друг – это понимание плача

Расстояние между людьми заполняют звезды
Расстояние между звездами заполняют люди

Любовь – это скорость света
обратно пропорциональная
расстоянию между нами
Расстояние между нами
обратно пропорциональное
скорости света –
это любовь

הבוהה אהבה
на иврите

פחד – זה גבול קו החיים בקצה כף היד
אי הבנה – זה בכי על חבר
חבר – זה הבנת הבכי

המרחק בין בני אדם ממלאים כוכבים
המרחק בין כוכבים ממלאים בני אדם

אהבה – זה מהירות האור
פרופורציונלית
למרחק בינינו
המרחק בינינו
פרופורציונלי
למהירות האור –
זה אהבה

Разговаривали с компьютером:

на французском –
Кристина Зейтунян-Белоус
(Париж, Франция)

на немецком –
Бернхард Замес
(Галле, Германия)

на корейском –
Надежда Ли
(Сеул, Южная Корея)

на болгарском –
Румен Шомов
(София, Болгария)

на английском и испанском –
Милагроса Ромеро Сампер
(Мадрид, Испания)

на итальянском –
Михаил Евзлин
(Мадрид, Испания)

на голландском –
Петер Ван Нюнен
(Нидерланды)

на иврите –
Феликс Гринберг
(Нетания, Израиль)

Галина Мальцева
ДООС – стрекозелла
Иллюстрация к поэме «Компьютер любви».

М., Художественная литература, 1990 .
Художественное оформление –
Андрей Бондаренко,
Дмитрий Шевионков.

Кирилл Ковальджи

ДООС – кириллозавр

Константин Кедров утвердил свой суверенитет, когда наши народные витии еще и не помышляли. Период застоя полновластно держался на кремлевских старцах, а поэт уже умудрился открыть внутреннюю свободу, и она оказалась никак не меньше всего окружающего мира. Он открыл для себя тайну внутреннего и внешнего, сл*о*ва и события, преходящего и вечного – открыл формулу их мерцающего единства. Он взял и выскочил из трехмерного пространства вкупе с четвертой координатой, именуемой временем, научился свободно перемещаться сквозь все системы мироздания по оси внутри-извне. Замкнутому миру индивидуальной поэзии он предпочел разомкнутый: не перчатку поэзии по руке стихотворца, а вывернутую – по мерке космоса.

Я не берусь провести границу (границы-то Кедров не жалует) между его взлетами, прорицаниями и самообольщениями, зашкаливанием, ловлей словесного кайфа. Главное в нем – заразительная воля, отмена опор; он в океанической толще культуры чувствует себя как рыба в воде, более того, летучей рыбой легко пересекает границу сред.

Константин Кедров больше самого себя. В стихах ли, статьях или лекциях он прежде всего дарит щедрые россыпи свободы, негаданных взаимоотражений, становясь в чем-то похожим на Велимира Хлебникова, добывавшего золотоносную руду для будущих ювелиров. Есть творческие личности феноменального свойства. Мне кажется, К.Кедров гораздо сильнее воздействует на молодое поколение поэтов, чем на читателей. Критики же просто в отпаде – в их арсенале нет нужного критерия: тут нечто безмерное и чрезмерное. Недаром его яркая вызывающая книга «Поэтический космос» (1989) встречена дружным молчанием как левых, так и правых. Словно Дон Кихот прошел между двух враждующих станов, прошел, не глядя по сторонам, устремив очарованный взор к звездам, одному ему видимым среди бела дня.

Константин Кедров в конце семидесятых годов был в литературе одним из возбудителей духовного раскрепощения, был, между прочим, использован и как трамплин – от него «оттолкнулись» Парщиков, Еременко со товарищи, они взлетели на страницы печати раньше своего инспиратора. Поэтому, к моей радости, в связи с выходом «Компьютера любви» – сборника избранных стихотворений и поэм Константина Кедрова (М., Худож. лит., 1990) примешивается и привкус горечи: этот поезд» пришел с опозданием, публика на перроне успе-

ла пресытиться негаданными встречами, и вдобавок ее внимание отвлечено тревогой, выкриками митингующих, требующих отставки правительства. В обществе состоялся прорыв к политической свободе слова, но при этом – увы! – оно оказалось неподготовленным к художественному плюрализму: неудивительно, что на смену стихам за Сталина пришли стихи против, но как прикажете понять: «пространство – это развернутый конь, кошки – это коты пространства», а «человек – это изнанка неба, небо – это изнанка человека» и т.п.? Что это? Досужие забавы или «словесные приключения» по выражению Набокова? Возврат к «пощечине общественному вкусу»?

Сколько бы ни было «перехлестов у Константина Кедрова (а он порой и нарочно эпатирует), а янтарь на берегу – вот он! Сказавший «никогда не приближусь к тебе ближе, чем цветок приближается к солнцу» – это поэт, ибо только поэт может открыть образ и уничтожить астрономическое расстояние между цветком и солнцем. Я убежден, что только поэт может написать: « государственная граница лежит внутри… между правым бедром и левым легким», «пришла щека отдельно от поцелуя, пришел поцелуй отдельно от губ», «ястреб действует как лекало – он выкраивает все небо, я выкраиваю все время…»

Казнь и казна это два необъятных царства
это особое свойство времени
именуемое «необратимость»…
Если казни не будет
есть дисциплина
ибо без дисциплины казнь невозможна
хотя дисциплина казнь...
Так разрастается всемирная казнь
дисциплинированная размеренная
окрашенная как гроб в маренго
и косящая в бок…
Так Полежаев и Тарас Шевченко
два товарища два солдата
отслужили службу времени
и улизнули в вечность.
Вечность это недисциплинированное время

(«Казнь», 1983)

На глазах наших рухнул чудовищный рационализм, тот, о котором писалось в день похорон Маяковского: «Покойный был певцом революционной РАЦИОНАЛЬНОСТИ. Похороним его как материалиста, как диалектика, как марксиста… Разольем его память, как чугун, по чашкам пролетарских сердец и черепных коробок».

А как быть со стрекозой? Константин Кедров почувствовал Маяковского ИНАЧЕ, увидел поэта, готового сшить себе желтую кофту из трех аршин заката. «Квитанция, которую я получил, / Полыхает закатом», – пишет Кедров в стихотворении «ДООС», там, где сказано, что «неостановленная кровь обратно не принимается». Но что такое ДООС? Пожалуйста, запомните: Добровольное Общество Охраны Стрекоз.

Я не хочу чугуна по чашкам сердец. Я от него бесконечно устал. Пусть стрекочут стрекозы с глазами инопланетян.

Фрагмент статьи «Грань с гранью не враги». Журнал «Юность», 1990.

Фото Евгения Зуева.

Кирилл Ковальджи:
«Кедров больше, чем поэт. Он и философ, и художник. Вообще, он катализатор культуры, воспламенитель, оплодотворитель. Его миссия – освежающая, к чему бы он ни прикасался. И он делает это уже не первое столетие. Я думаю, что все, кто знает его книги, его стихи, его философские работы, знает, что это открыватель. Все говорят, что в литературе уже все открыто. Кедров опровергает эту истину. Он по-прежнему умеет открывать неизведанное в искусстве».

(Вечер К.Кедрова в Доме Булгакова, 27 июля 2008 г.)

Ефим Лямпорт

X = ЛЮБОВЬ

Доцента Константина Александровича Кедрова выгнали из Литинститута как вольнодумствующего гимназиста. А он и есть вольнодумец. Сложился какой-то стереотип – что, мол, если наложило государства свою тяжелую, карающую лапу, то непременно за ниспровержение ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОСНОВ. Все верно, Кедров – ниспровергатель. Ниспровергатель основ. Но в самом широком смысле. Основ космических, психологических, социальных. Ну а государственных – так уж заодно между делом. Чего мелочиться?

От основы до догмы – один шаг. И этот шаг поэт Константин Кедров увеличивает, увеличивает, увеличивает. Превращая его в бесконечность, которую не одолеть никому. К счастью.

Он большой фокусник, этот Кедров, – слова превращаются у него в пространство и время. Оно, в свою очередь, распадается на буквы. А из букв складывается афоризм? или анекдот? или открытие? вход в инакое измерение? выход? из него? бесконечность?

бездна? А где он сам, поэт-доцент-ученый-философ, по отношению всему этому? Кедров в центре им созданной поэзии.

МОЖЕТ, ОН БОГ-ОТЕЦ?

Не исключено. Обмолвившись, он дает направление поэтической школе. Из его строчек у поэтов прорастают поэмы... Кедров щедр, как природа, на мысли, идеи, стихи и всяческие выходки. Я недаром сравнил его с вольнодумствующим гимназистом: такая раскованность – привилегия юности. Как его выпустили на экран? – думаю всякий раз, глядя в телевизор. Он раскачивается на кресле, крутится вокруг оси. Он иллюстрирует вселенную. Видали?

А МОЖЕТ, ВООБРАЖЕТ СЕБЯ ВСЕЛЕННОЙ?
А МОЖЕТ, ВООБРАЖАЕТ СЕБЯ…

Может. Он может все.

Почему с таким пониманием относимся к предкам-классикам? Восхищаемся легкомыслием Пушкина и принимаем это легкомыслие в качестве необходимой составной таланта?

КЕДРОВ ЛЕГКОМЫСЛЕН НЕ МЕНЕЕ

И я не боюсь сопоставлений потому, что не боюсь. Потому что я прав, как прав всякий, считающий себя правым, берущий на себя эту отчаянную смелость. Легкомыслие – великая ответственность поэта!
И Кедров разделяет ее судьбой, стихами, статьями, книгами.

Книги Кедрова – отдельная история. О них больше говорят, чем пишут, и больше пишут, чем издают. Когда издают, отсылают тираж куда подальше, черт-те куда. А потом из черт-те куда их привозят в Москву – друзья, знакомые, те, кто хочет познакомиться и стать друзьями.

Нужно быть Пушкиным и Хлебниковым одновременно (эк меня заносит, ну да ничего, терпи, читатель), чтобы весело вычислять законы вселенной и законы любви, находить алгоритм в чередовании афоризмов, а в итоге написать книгу «Компьютер любви», Конечно, выходили, книги и до нее, 2 – в Париже, издательство Мулета. В 1989 в «Сов. Пис.» – «Поэтический космос». В 1988 г. в «Юности» напечатан покореженный кусок из «Компьютера любви». Несмотря на покореженность, эффект от публикации был вроде государственного переворота. Во-первых, напечатали К.Кедрова – сам факт публикации уже означал многое. Во-вторых, «Компьютер любви». Государство жаждет четкости во всем, в жанре в том числе. А тут – тиражом более трех миллионов напечатан стих? поэма? философская работа? проза поэта? credo? манифест? Ни то, ни другое, ни третье – и сразу все вместе взятое. Событие. Сегодня сборник «Компьютер июбви» вышел в издательстве «Художественная литература» – Стихотворения и поэмы.

По верху страницы тянется похожая на эпиграф тоненькая строчка – «Издание осуществлено за счет средств автора». Да. Книга оплачена автором из собственных средств по самому высшему счету. По самому высшему! Книга оплачена, и оплакана, и выстрадана. В прошлом, в настоящем, в будущем. У Кедрова нет долгов. Он платит не скупясь. Самой твердой валютой – талантом, работой, жизнью. Поэтому книжка и получилась замечательная. Она – по Кедрову. Всем своим обликом. Иллюстрации художников А. Бондаренко и Д. Шевионкова, изящный формат, торжество четкого набора. Что вычисляет поэт на своем компьютере – Любовь. Кедров вычисляет любовь и находит ее всюду, чего не коснется – памяти, Пушкина, моря, пространства, луны, радуги. Школьник, которому скучно решать задачки про трубы, заглянет в ответ и подгонит под него всю задачку. С Кедровым другое – ему не скучно, наоборот, ужасно весело, но что делать, если ответ известен ему заранее – любовь.

…С Кедровым хорошо, без него плохо,
он и в луже увидит улыбку Бога.
И вдали от леса,
захочет если,
наломает дров
отличный поэт Константин Александрович Кедров.

Я взялся писать про него стих – не вышло. Кедров больше стиха.

Ему соразмерна – поэзия.

Сколько знаю я счастливых людей, а я знаю их немного, их и вообще-то немного, от остальных окружающих они отличимы – самое яркое впечатление – праздником, легкостью вокруг себя.

Кедров из таких. Такая у него книжка и получилась. Другой и быть не могло. Мы, его читатели, радуемся вместе с ним, за него, за нас.

«Русский курьер».
Ежемесячное приложение № 2.
1991.

50-60-е

Константин Кедров

Константин Кедров, 1964 г.
Фото Валерия Соменко.

***

Как мерный страус, прошагало время,
Как фокусник по острию ножа....
И в зоопарке, брошеные всеми,
Затихли звери, дрыхнут сторожа.

Вот попугай – нахохленный дурак.
Вот попугай, он мой давнишний враг.
Вы помните, как злобноно, не мигая,
Нас поучали эти попугаи.

Их покупали, им доверяли,
Им судьбы мира порой вверяли.
Они орали, других ругая,
за непохожесть на попугая.

Теперь кричите, тупые птицы.
Кто вас боится?
Кто
вас
боится!

***

Ты нужна как сердцу вдохновенье,
Как мазок решительный картине,
Ты нужна как вечное движенье
Неподвижной скрипке Паганини.

Вот стоишь ты нужная и нежная
Все стихи тебя давно воспели,
И не мог смотреть на мир небрежно я
Раз глаза твои в него смотрели.

***

Трамвай перерезал путь
параллелями линий.
Они сошлись у кладбища
на могиле Лобачевского.
Небо рушилось вниз
Придавлен обвалом света,
я остановился –
тупик вселенной.
Я перечитывал
чугунную эпитафию
«Член общества
Геттингентских
северных антиквариев»
веиравкитна хынревес –
прочитал я наоборот
и понял необратимость времени.
Я вышел к себе
ЧЕРЕЗ
НАВСТРЕЧУ
ОТ
и ушел ПОД
воздвигая НАД...

Там за тихоконкатым
тонут тени листые
лес стоит –
лета перелистывает
там ты тоже
теряешь тождество даже
может выживет все же
журавль тонконогий
– время.

* * *

куда они, клоуны, клонят?
кого они, клоуны, корчат?
с арены клоунов гонят,
в застенках клоунов топчут....
а клоуны всё смеются,
их головы всё рыжеют,
а клоуны не сдаются,
хотя дураки жиреют.
смеются они веками
над жирными дураками.

* * *

Закопают в ров наломают дров
В тишине вращается ось миров

Не замажете кровь елеем
Не застроите мавзолеем
Кровью юношей тех алея
Истекал в мавзолее Ленин
И не ставьте на рвы заплаты
Не зарплаты мы ждем –
расплаты

Анатолий Умеров
Обнинск

Человек из завтра

В 1958 году в казанской молодежной газете была напечатана статья известного в то время шахматного обозревателя Якова Дамского. Статья была не о новостях в шахматном мире, а о поэте, стихи которого так поразили Дамского, что он предложил их вниманию читателей. Одно из этих стихотворений – «Ты нужна как сердцу вдохновенье, как мазок решительный картине...»

Автору этих стихов было 15 лет. Это был знаменитый в будущем поэт Константин Кедров. Эти стихи не нужно было заучивать, они врезались в память сразу и навсегда, Такова была их магия. Впечатляло то, как этот мальчик владел пером и языком, что лишь под силу маститым поэтам. Хотелось верить, что это у него не временно, что это не юношеский позыв (господи, а кто из нас в юности не рифмовал «любовь –вновь», «любовь – кровь», реже «любовь – морковь»), что станет в будущем он значимым в России поэтом.

В 1962 году мне, студенту географического факультета Казанского университета, довелось познакомиться с Константином. Было это при следующих обстоятельствах. В то время только-только что зарождались Клубы веселых и находчивых, студенческие театры эстрадных миниатюр. У нас тоже образовался Университетский театр юмора и гротеска (УТЮГ), куда со всех факультетов собралась, как бы сейчас сказали, «продвинутая» молодежь.

В этой компании оказался и Костя. Он привлек мое внимание сразу. Ну, во-первых, я уже знал наизусть его стихи и считал его интересным явлением, а во-вторых, не-в-то-временн**о**й интеллигентностью. А еще поразили его глаза. Они были у него как у врубелевского Пана, с какой-то хитрецой, но не язвительной, а «вот я тебе сейчас что-то скажу такое, чего ты еще не знаешь». И он действительно рассказывал такое, о чем мы знать не могли, потому что узнать про это в то время было достаточно непросто. Он рассказывал про кибернетику, про свитки, найденные

в Кумранских пещерах, про фрейдовскую сублимацию энергии, про Кришну, после рассказов о котором я ловил себя на том, что бубнил под нос «ом мани подме хум». Он был в курсе всех литературных новинок.

Как-то мы услышали о том, что Твардовский написал продолжение своей поэмы про бойца – «Теркин на том свете». Но в печати ее не было, а почитать очень хотелось. Через несколько дней Костя приносит ее, отпечатанную на пишущей машинке. И в городском литобъединении он выделялся тем, что не славил партию, комсомол, великие стройки коммунизма. Не отрицая его поэтический дар, старшие товарищи по литобъединению усердно «впихивали» его в раздолбанную колею «социалистического реализма». Но он не шагал в ногу со всеми, а, как сталкер, протаптывал свою поэтическую тропу. Он не пел вдохновенно комсомольские песни с человеконенавистническими словами «прежде думай о Родине, а потом о себе» или «жила бы страна родная, и нету других забот». Он не дал превратить себя в человеческую биомассу под названием «совок», и поэтому власть относилась к нему с подозрением за его непохожесть на попугаев. И хотя в 60-е годы он был еще очень молодым, но его безошибочно можно назвать поэтом «шестидесятником» за гражданские стихи «Попугай», «Клоун» и др.

По окончании университета наши пути с ним разошлись. Но иногда в телевизионных передачах Костя опять ошеломлял меня щедростью своего ума, своих суждений. Помню его совместную программу с П.Капицей. С каким уважительным вниманием и согласием ведущий «Очевидного – невероятного» беседовал с Константином. А его дружба с А.Вознесенским и признание им особого места Кедрова в поэзии! Для меня знакомство с Константином Кедрповым – это как встреча с хлебниковским «будетлянином», как с человеком из завтра, поэтом, философом, гражданином. Мудрец сказал: «Бог решает, какой длины будет твоя жизнь, а ты решаешь, какой она будет ширины». Не только ширина, но и глубина поэтического творчества, философской мысли и жизни Кедрова еще станут предметом изучения будущих поколений литераторов, философов и благодарных читателей.

Прошли года и хиппи стали лысыми
Советский быт раздолбан наконец
А ты для строчек лучших
ненаписанных
Как детям неродившимся отец

Феликс Гринберг
Нетания, Израиль

Вестфак

Этюд о Казанском универе
62-го и 63-го

Конец-тупик улицы Ленина – ленинский университет,
Портик с колоннадой смотрит на восток,
А через мощёную улицу – Сковородка
Глядящая на запад...
Сковородка – это такой архитектурный новодел,
Омега бордового гранита, уложенная на спину,
С раскинутыми в стороны ногами
С молодым Лениным на гранитной призмочке,
На ней Ленин показывает на свой университет
И скамья внутри омеги его имени
(Построенная для нас, студентов,
Чтоб под ним себя чистили,) –
Вся эта точно обозванная нами сковородка
Смотрит на колоннаду универа,
То есть на запад...west
Солнце в зените, красный мрамор раскаляется,
Глаза на запад, скамья печёт задницы, как блины –
Skovorodka, blin!

Собираемся там, отсидев утро в библиотеках,
Ни один из нас, кажется, не с лекции:

Сэм Шер, мехмат, преподаёт сковородникам Норберта Винера, проект искусственного интеллекта.
Боря Максимов, филфак, показывает пантомиму,
Как Марсель Марсо идёт против бури,
И утягивает себя с наших глаз долой на верёвке.
Толик Умеров, географфак, поёт свои песни
Про то, как он был моряком на дальнем востоке
В городе Советске, и тихо уводит лучших девчонок.
Володя Булычёв медально скалится чеканными шутками.
Йося Молдавский с маленьким аскетичным личиком
Всех нас восторженно любит.
Саша Кипнис – голубоглазый нежный красавец
Ещё не знает, что очень скоро, забитый армейскими «стариками», ткнёт себе в лицо автомат.
И Костя Кедров, самый странный из компании,
Гуляющий сам по себе – то появится, то пропадёт,
То молчит, а то долго распевает стихи....

Как только солнце
Перестало жарить нас на ленинском мраморе

Ориентированном на запад,
Мы всей той компанией скрылись от непогоды
В тёплые необъятные ленинские вестибюли
И сам собой родился Westfak
Вестибюльный факультет
И опять вест
И снова фак лекции
И снова ровно на запад от колонного входа –
редакция малотиражки «юный ленинец»
Дававшей нам тогда приют
В долгие зимние.

Через пару лет поехал я на вест-запад – в Ленинград
Поступать на режиссерский курс Товстоногова.

После обычных абитуриентских рассказа, басни,
ещё каких-то этюдов на месте,
Я решил вынуть из рукава козырную карту:
(сказал так: сейчас я вам прочту стихи, которые никто ещё не знает)
И прочитал два:
«Как мерный страус, прошагало время,
как фокусник по острию ножа...»

Напротив, за столом комиссии
Рядом с Товстоноговым
Сидел Сергей Васильевич Гиппиус,
Педагог ЛГИТМИКа
Племянник Зинаиды Гиппиус

Он по ходу стиха очень заострил на мне взгляд
А потом сказал: а ещё что-нибудь можете?
Я прочёл второй стих:
«Куда они, клоуны, клонят...»

После экзамена Гиппиус нашёл меня в толпе
И потрепал по щеке
Поступил я тогда на этот курс
При конкурсе 200 человек на место

Но сегодня мне гораздо ближе то,
Что после экзамена, когда мы ждали
Не зная чего, просто бурлили каждый своим,
Ко мне подошёл один из нас –
Жаль, что не познакомились,
И хмуро сказал:
(он был расстроен, чувствовал, что не поступит)
– Откуда ты знаешь Костю?
Я ему сказал, откуда...
А сейчас говорю вам.
Вива, skovorodka
viva, вестфак

50-60-е

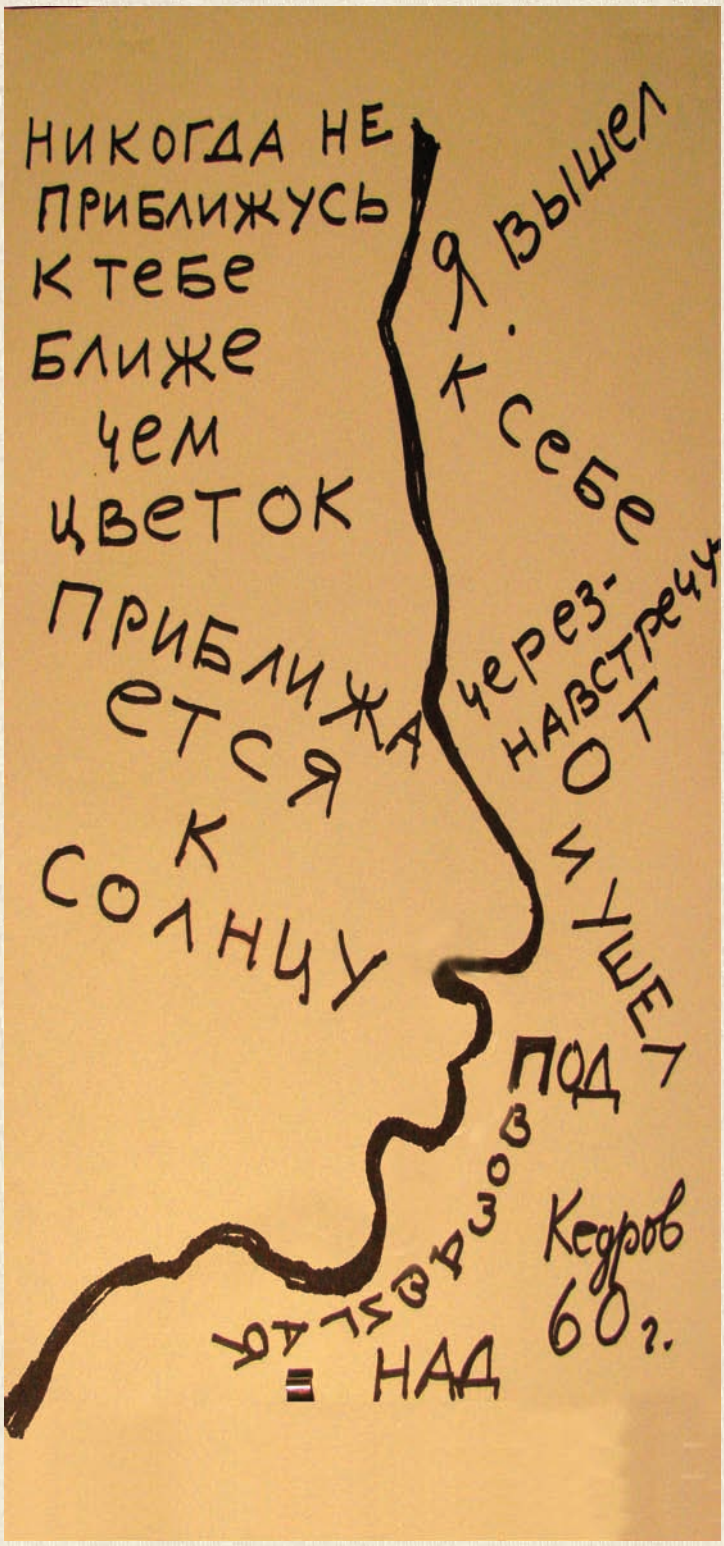


Рисунок **Константина Кедрова**

Ольга Адрова
ДООС – рок-стрекоза

Самый тонкий лирик

Удны дела твои, Господи! В 1942 году, под бомбежками, в семье актрисы и театрального режиссера родился самый необычный лирик современности – поэт Константин Кедров. Родился поэт, обреченный на молчание. Потому что гнуснее войн, устроенных пошляками, только другая война, которую ведут они, – это война с поэзией.

Например, с такой, как у Константина Кедрова:

Я пишу птицами
Как кистями,
Они мне во всем послушны,
Обмакиваемые в небо.

Или с такой, как его «Гамлет в Ижорском монастыре» – про монастырь «не женский – неженский»,

где все зеркала звенят
от венецианской нежности
где в каждом зеркале
кто-нибудь обнажен
где падают с неба
заснеженные собаки,
а дворник Гофман
расчищает звуковую дорожку
граммофонной иглой
где колокольный жираф
тянет шею
к небесной маме...

Ближе всего к этим стихам, конечно, поэзия французских сюрреалистов, Поля Элюара и других, далеко ушедших от обычных литературных приемов старой поэзии, заявивших о новых способах «чистой выразительности» в искусстве. Но здесь, как в известном романе Достоевского, – «кому нужна сия чистота?» Все это было безнадежно далеко от России, где рос поэт Костя Кедров, основавший литературную группу «Добровольное общество охраны стрекоз», к которой примкнул Андрей Вознесенский, где поэты могли слушать друг друга. Это было примерно так, как об этом пишет Константин Кедров:

Один Медведь говорит другому
– Я – Большой Медведь
ты – Малый театр
Морда медведя обращена к Богу

Как голова Марии Стюарт... — и где играют ангелы, «даря друг другу кино». Голос поэта развивался согласно своей чудесной партитуре, но даже в его зрелом, главном поэтическом произведении, вместившим в себя многие поэтические открытия, в том числе метаметафору, – поэме «Компьютер любви» – для этого чувства найдены самые нежные, удивительные слова: «Невеста – это лодочка для ладони...»

Когда-то Анри де Монтерлан сказал, что в новом веке будут углубляться и развиваться человеческие чувства, а вместо этого стали развиваться технологии: политические, экономические, – и этот бурьян стал заглушать человеческое.

Метаметафора стала вызовом этому бурьяну. Неудивительно, что такого поэта, как Кедров, чей отец режиссер когда-то убежал в провинцию, подальше от лозунгов, заполонивших даже театр Мейерхольда (таких, как «Ребенок – будущий строитель социализма»), в начале творческого пути спасла и сберегла русская провинция от политической мишуры, занавесившей 60-е. Об этом был запрещенный спектакль Ю.П.Любимова «Берегите ваши лица». Об этом давлении Евгений Евтушенко уже на склоне лет сказал так: «все, кто мне душу расколошматили, – к е... матери, к е... матери!»

Но жизнь поэта – это космос. Поэтому, свободно соседствуя в «поэтическом космосе» с сюрреалистами и русскими футуристами, поэт Константин Кедров вышел к мировому читателю в 90-е годы, плавно обойдя на повороте «60-ков», «70-ков», «80-ков», и легко вписался в современность, в которой человек среди всеобщего хаоса и подмены понятий понимает, что сохранить «душу живу» помогут красота, любовь, поэзия.

Сейчас процитирую саму себя: бог всегда «газончик подстригает ровно», – если уже появилась и гремит над ухом пошлость, уже навалившаяся на человеческое сознание со всех сторон, так сказать, в мировом масштабе, то ей сейчас противостоит «поэтический космос» и «метаметафора» Константина Кедрова.

НЕБО – ЭТО ВЫСОТА ВЗГЛЯДА
ВЗГЛЯД – ЭТО ГЛУБИНА НЕБА

А дальше, как высота безмерная, 1001 метафора.

Когда-то меланхоличный Флобер создал свой прозаический «лексикон» – «словарь прописных истин» своего времени, где имя знаменитого Паганини соседствовало на одной странице с «памятью» и «парадоксом». В моем любимом двухтомнике произведений К. Кедрова, изданном в 2001-2002 гг. («Или», «Инсайдаут»), и ставшим уже библиогра-

Рисунок **Константина Кедрова**

фической редкостью, есть и «лексикон» поэта Константина Кедрова, где «добро и зло» соседствуют с известным квадратом Малевича и с «Комментарием к отсутствующему тексту». Там нет слова «нежность», но есть «невеста» и «любовь». Так, как Цветаева свидетельствовала о Бальмонте, могу сказать и о том, что поэт окружен верными почитательницами его таланта. В лучах его поэзии, человечности, мягкого, доброго юмора они буквально оживают, расправляют крылышки, чувствуя себя бабочками или стрекозами, с удовольствием принимают участие в перфомансах, музыкальных и поэтических вечерах. В день недавнего юбилея К.Кедрова подаренные цветы не умещались в вазах, их пришлось разместить в ведре, и растроганный поэт несколько дней блаженствовал в самой настоящей оранжерее, – это была зримая метафора одного его замечательного высказывания:

Человек человеку –ангел
Ангел ангелу – человек.

Но этому поэту, по его словам, всегда 17 лет, потому что в своем творчестве он сохраняет для читателя «обитель чистых нег» юности, где всегда живет чуткое, нежное, благодарное богу состояние впервые пробужденной для любви и творчества души, которая как заклинание произносит, словно впервые, такие строки:

Ежедневно слышу тебя
Как-то странно звучат слова
Закрываю глаза и всюду передо мной
Эти крики рожденные тишиной
Эти краски рожденные темнотой...
всюду где чувствуется несовершенство
ты возникаешь
как тоска по стройному миру

Этот космос юности и бесконечной нежности открывается только тем, кто любит поэзию.

Анатолий Кудрявицкий
ДООС – прозостихозавр
Дублин, Ирландия

Компьютер любви – это замечательно. Я мой английский перевод этого стиха часто читаю – и всегда на публику он производит впечатление.

Авторская билингва

Оммаж*

Я–i

Константину Кедрову

Компьютер любви – это компьютер.
Любовь компьютера – это любовь.

Компьютер компьютера – это мозг.
Любовь любви – это юность.

Юность любви – это любовь.
Старость любви – это компьютер.

Мозг компьютера – это привычка.
Старость привычки – это любовь.

Старость компьютера – это сон.
Сон любви – это старость.

Сон старости – это юность.
Юность мозга – это ярость.

Ярость компьютера – это хаос.
Ярость любви – это слепота.

Слепота компьютера – это смерть.
Хаос любви – это жизнь.

For Konstantin Kedrov

Computer of love is a computer.
Computer love is love.

Computer mind is a programme.
Human brain is hardware.

Computer thinking is a habit.
An old habit is love.

Love for love is youth.
Love for a computer is madness.

Computer's old age is a slumber.
The slumber of love is an old age.

Old man's slumber is youth.
A brain's youth is rage.

Computer rage is chaos.
The rage of love is blindness.

Computer's blindness is death.
The chaos of love is life.

** Оммаж – привлечения текста-вдохновителя в авторский текст; не просто отдельные отсылки, фразы или цитаты, а целые сцены, композиционные приемы и обширные образные параллели.*

Николай Еремин
Красноярск

МЕТА-КЕДР

Стихи Константину Кедрову, записанные на обложке Журнала ПОэтов № 9, 2012 г.

Тропою Минотавра
Я шёл среди невзгод,
Вводя в метаметафору
Вселенский метакод
И Ариадны нить
Пытаясь сохранить...

И вышел вдруг на свет
Среди московских гроз,
Где спас меня ПОэт,
Охранник всех стрекоз,
И указал: «Лети
По Млечному пути!»

И я, как Стрекозавр,
Лечу сквозь звёзды лет...
И смотрит Минотавр
Мне с завистью вослед...
А там – из космонедр
Мерцает Мета-Кедр...
И звёздный метакод
Звучит, как септаккорд...

3 ноября 2012

Анатолий Золотухин
Николаев, Украина

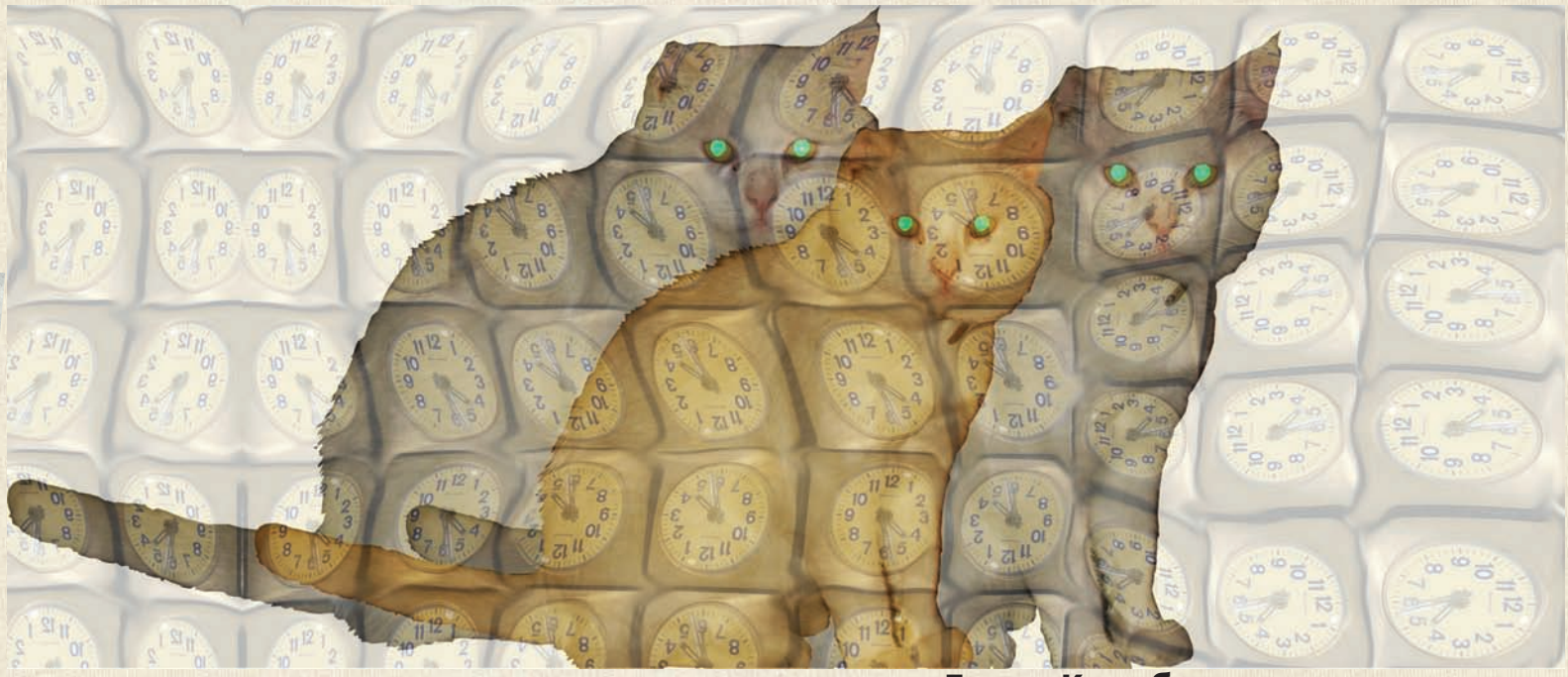
КОНСТАНТА КЕДРОВА

Могучий Кедр литературы,
Играя сочетаньем букв,
Идеями нездешней креатуры
Потряс, ошеломил Facebook.

Метаметафор интегралы
Не всякий может сходу взять,
Разложат в ряд дифференциалы
Инсайдаутов стройная рать.

Есть высшая литература
И в ней Константы тоже есть,
Константа Кедрова – натура,
В ней беспартийны ум и честь...

12.11.2012 г.



Коллаж **Елены Кацюбы** *специально для ПО.*

Вадим Рабинович
доктор философских наук
ДООС – доосозавр

Spiritus Духа, или Спиртовая тинктура поэзии

Поэтический космос Константина Кедрова – это именно его космос. Собственный. Именной. Но и – всеобщий. Потому что антропен. Человечен. Хотя и безличен. Потому что замыслен так, что даже если бы не было в этой вселенной ни одного человека, человечности в нём не убыло бы, потому что всё по-прежнему влеклось бы друг к другу. Пело и любило бы, потому что влеклось. А это и есть «безличное вочеловечить». Не о, а как раз во- … что и есть единственное дело Поэта. А кого же ещё?..

Только Поэт – и никто другой! – способен исхитриться так, чтобы съединить одномерное время с трёхмерным пространством в n-мерное Всё, светящееся хаотической умиротворённостью вечности. Ежегодно – каждый весенний март…

«Кошки – это коты пространства, / пространство – это время котов», – утверждает поэт. Впрочем, и утверждать-то тут нечего, потому что так оно и есть. Аксиоматично. Без доказательств. Зеленоглазо и влюблёно. Восхищенно. Похищено, как свет из тьмы. Свет встречи двух пар влюблённых глаз – кошки и кота. Ромео и Джульетты. В световой год Любви. В марте…

Световой год – свершение расстояния и времени; свершение, определённое скоростью в 300000 км/сек., после чего начинается тот свет – недвижное светолитие навсегда и навезде. А в сей миг – между этим светом и тем – светопреставление слова Поэта, окликающего и наше в ответ…

Влюблённые кошки и заворожённые коты. Живые, не виртуальные. И потому человеческие…

И как результат этой Александрийской возгонки – spiritus Духа.

Макароническая метаметафора и метакод одновременно, счастливо изобретённые Кедровым. Удвоенный дух, или – ещё лучше – Дух в квадрате, во второй степени, встроенный в Земшар времени. Кубатура шара, объемлющего около земной, а по сути – вселенский окаём. Выходящий за пределы самого себя, но и возвращающийся к самому себе. Вселенная, сжатая в точку (Мандельштам), но чреватую большим взрывом, зачинающим новые миры.

– Нормально, Рабинович?

– Отлично, Константин!

И днём и ночью

Все кошки весеннею ночью
Серы, но ведь это лишь ночью
Все серы они и точь-в-точь,
Но та Шамаханская дочь
Из всех одинаково прочих,
Как выяснилось между прочим,
Одна на всю майскую ночь!..
Ах, ночь! Ах, завеса! Ах, тайна…
Средь шумного бала случайно…

До-потоп-Ноя Ев-Ангел-ИЕ

«Допотопное Евангелие» написано анаграммным стихом. Еще я называл его голографическим, литургическим, мистериальным. Мне хотелось, чтобы имена египетских богов Озириса, Сета, Изиды постепенно преобразовывались в имя Христа. Каково же было мое изумление, когда я прочел, что якобы у Ф.Соссюра в нерасшифрованных тетрадях говорится, что «Илиада», Махабхарата и Библия написаны анаграммным стихом с именами богов. Пока это сообщение не подтвердилось. Похоже на мистификацию. Или озарение, которое мелькнуло и погасло.

Константин Кедров (1979 г.).
Фото Александра Чернова *(Киев, Украина).*

Не входи в мой дом
ее входи в мой дом
а войдешь сюда – будет беда
будут беды быть
стены стоны плыть
плоть оставит сын
сей ославит сый
сына выси весь
воссияет днесь
Дай Бог дух днесь
дай Бог дух есть
снедь есть
снедь ест

Рабыня-рыбыня,
куда плывешь?
Кто тот,
кто на западе нож вонзил?
Куда ты бредешь?
К ТОТУ
Кто ТОТ?
ЭТОТ
Лил бель бил
любанька говорил
аньки-аньки кинь-кинь
О Робушка
в ушах шубурша шур-бур
О Рубиня, куда спешишь?
Спешу шурша на восток
журчит в ушах
шах – хаш
каша – ашай
шам-шам
истошно ИШТАР
в ухо орет АШТАРОТ
услыши
уши-ишу
ИЕШУ
уа
ау
а-а-а-а
у-у-у-у

Стара Астарта
истерла лоно
оно ль стало лунь-нуль
Ну пошла я што ли?!
Иди телушка волоокая
корова ковровая
воровка коварная
бисмелла камбала
Кибелла каббала
Кабала
КУДА ТЫ ЛЕТИШЬ?
Кто нож в жену вонзил?
а ты кровь с лезвия лизни
горько-холодно-сладко
то-то
от-то-то и оно
Зырит зенки Озирис
озарись
без Озириса – сира
сирота я
сыр человечий ела
оттого и бела
Ах ты моя верблюдица
двугорбая
спереди и сзади
две луны скрыла
у, рыло
лира
арфа
гусельки
агу-агу…
А я все плясала плясала
спаси Осподи пособи
– Вымя сивуха сука
ВО ИМЯ ОТЦА СЫНА
И СВЯТОГО ДУХА

Во имя отца и Хама
во имя отца и Сима
сын отца
отец сына
Сим победиши
Хам победиши
Сим семя сеял
се сияет сие
синевы оратай
звуком вспахал небеса
слово засеял – пророс овес
сено лошадь ест
ржет до небес
рожая рожи из ржи
Сим-Хам
ХАМ
маха мох
моха холм
лемех меха

молоха млеко
хам-хам
мах-мох мох-мех
маха мох махаон
о Хам
Во имя Хама и Сима
Во имя отца и сына
Месяц плуг закинул
за синь где несть
тенет нет – теней нет
Кто ты еси?
То твам аси
сеть
Кто ты Сет?
Я судия небесный
мера мертвых
весы сева весь
небесная высь
грады и веси
то ты еси

Сто лет тому
а кому сто лет?
Кто тот кому сто лет?
Тот – это смерти бог
тотен-тотем мета атом
Атум
Атон-Эхнатон
ноты пел в тон
нот нет
тенет нет – теней нет
Тонет Эхнатон
в Лете теней-тенет

ТОТ стал ЭТОТ
смерть мертва
атома немота

Стикс стих
скит тих
скат скот
Тоска Ионы
во чреве червленом
кит
тик
так
кит – червь верченый
во чреве скит
червя время – чрево
чертог
горечь
речь
Рек киту Иона во время оно
кит Стикс
кит стих
Мера мора – море
Мера моря – мор
Ора орел – ореол
Пийте сия есть кровь моя
в горле сия есть кровь
в крове сия есть горль
в корме меся ест Гор –
островерхий Египта бог –
овечьих горл нож
крика Мекка
мякина хлеба
хляби гарь

но комета токмо окоем
ем око вола
лава олова
лов глагола гол
но логово
немо
амен
жен голо лоно
логово овал
Волга нуля облик вобрала
ВАЛГАЛЛА
Влага – лоно
а лоно – Волга
Рог Гор
Ор Ра

Амирани-Ариман
мира рань
Перун-рунопреемник
перл светозар
Ра – разума зов
воз
четырех колес
солнечный хор колес
Четыре солнца взошли
скрипя ободьями ввысь
ползли не спеша
в небеса
позванивая спицами лиц
В колеснице ехал Илия
колеса мигали очами
зрачками оси слезьмя
ночи деготь – очи

Рисунок **Константина Кедрова.**

Ехал на ярмарку
Ванька Холуй
за три копейки показывал
ДЗЫНЬ
Ехал Илия
ДЗЫНЬ
НИЗ
ГРОМ
ВЕСЫ-НЕБЕСА
пропадай моя телега
все четыре колеса

Дедал делал рыдал
Икар икал лак лакал и кал
Ехал Енох
за ним Илия вознесся
воз неся
по солнечной колее
скрипят колеса
луны и солнца
Визг
лязг
грязь
гроздь
ГРОЗДЬ
ГВОЗДЬ
хруст
треск
ХРИСТ
КРЕСТ
древо жизни
ведро жижи

Сотворение
Резус-макака
Евхаристия
резус-фактор
крови Христовой
и человечьей
Сыновья умирают в отцах
«Горе́ имеем в сердцах»
Обратно время течет
чет и нечет
нечет и чет

Озириса озарение
Чичен-ица
о сын отца озверение
о сын отца оскопление
о сын отца ослепление
о сын отца
отец сына
о сень оса
о сень сини
Крест как крест
Хруст как хруст
Хронос сына ест
а сын пуст.

Я предлагаю вам прочесть, как звучит мой перевод на иврит финала этой поэмы в транскрипции кириллицей. Возможно, будет интересно прочесть, как эта великая поэма поётся в переводе на иврит. Многие читают и говорят, что поэзия сохраняется в этих переводах и даже обогащается оригиналами иврита, поскольку связана неотделимо с тематикой перерождения иудаизма в христианство.

Феликс Гринберг
Нетания, Израиль

на иврите

מלוכלך	мелухлАх
אשכול	эшкОль
שחול	шхоль
אש	эшь
מסמר	масмЕр
נפצוץ	нифцОц
חריקה	харикА
אצם	Эцем
אשו	Ешу
צלב	Цлав
לבלב אב מים	лавлАв
לי פת אים...	лИфа им хОмец
לה פתאים..תאים	ле сфатАим..таИм
כחולות	кехулОт
תבר אים	теварЕхни
צ חאים	эц хаИм
לה בה מחזיקים	ле ба махзикИм
מים יש לי	майм у шамАим
אדן אדוקים	адАйн адукИм
בריה	бриЯ
גורלה	гурИла
אורים	урИм у тумИм
אושנים	иошнИм
בא דם אשו בא דם	бэ дам ешу вэ дам энОш
מתים בן תוך	метИм банИм тох авОт
צאר בן תוך	цар тох либЕйну
זמן נזרים חזר	зман низрАм хазарА
זגי לה זגי	зугИ лё зугИ
אסיר - יצא צרור	осИрис ба гиль
צאר צ'יצ'ן - בן	цаир чичЕн – ица
איתן - בן	бен - итхайУт аба
סירוס - בן	бен – сирусО
איתברות - בן	бен – итаврутО
בן של אבא	бен шель аба
אבא של בן	аба шель бен
צלה אלוה	цель цлаОт
צלה אלוה	цела цраОт
כחול של תחלת	кхоль шель тхЕлет
בא אשו	вэ ешу шЕлед
זמן חרונס אחל	зман хрОнос охЕль
אבל בן	Авель бен
רק בן	рейк бен
אמן	амен

Андрей Бондаренко, Дмитрий Шевионков.
Иллюстрация к поэме.

Сергей Гуданов
Герцогство Брауншвайг

Комментарий к творчеству К.Кедрова

Шу-би-ду, или Констататор Эрды

Саксофоном его Бог вместо дудки наградил в глухом аду. Чтоб там расшугать он смог глухарей, на саксе дуя: «Шу-би-ду». Шум и ярость на духу, воздаяние обид и всемирную беду предвещая, сакс дудит.

Дружеская эпиграмма Константину Кедрову на его стиховую оркестровку: «Наградил меня господь дудочкой в аду. Ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду. Ду-ду-ду-ду-ду», – где он скромно сравнил своё гениальное дарование с этим простецким духовым инструментом. Какой-нибудь его давнишний со-оркестрант по дудению, старорусацкий лапотник-пастушок, звал издревле земную планетарность и частную судьбу человека «планидой». И погружаясь по-кедровски в стрёкоты стрекоз, не догадывался, насколько громогласна в загробье богосудная пастушья дудка. С такою дудой подчас и громобою нечего тягаться! Если бы арфист Орфей, последний из поэтов от Бога, дуданул в неё посреди упомянутого Аида, то все кларнетные Карлы Орфы со здешней планиды Земля эйфорично бы перевернулись в своих инфернальных гробах.

Старушка Кибернетика – прамама новейших высоколобых технологий. Чего она со сдвинутым, как беретик набок, умищем набекрень не терпит, то это прямолинейности. И лоботомического к себе подхода. Когда теменную лямбду бередят ей трепанирующим ломиком. Ну, а старикан Норби Винер, батёк этой «набекреньтики», не уважавший костоломных лоботомов, любил обиняком говаривать: «Голова не может болеть. Она ведь кость. Как и навязчивая мысль – никакой не идефикс. Это – электростатический сигнал, который всегда выбор из двух, как самое малое, смысловых значений». Значит, пока избрание не произошло, есть паузное время его обмозговать. Этот пробел до выбора – словно коротенькая передышка между двумя атомно-фугасными войнами в Мохенждо-Даро и Нагасаки. С заминкою в большущие тысячи лет. Так и получается, что прославленный в мудрёном парадоксе Буриданов осёл вышел бы по-винеровски образцовейшим кибером. Такой ослина лучше окочуриться с голоду, чем выберет одну из двух равных охапок сена, положенных перед ним. Предпо-

Константин Кедров

Художник Яков Красновский.

Наградил меня Господь
дудочкой в аду
Ду-ду ду-ду ду-ду-ду.
ду-ду ду-ду-ду

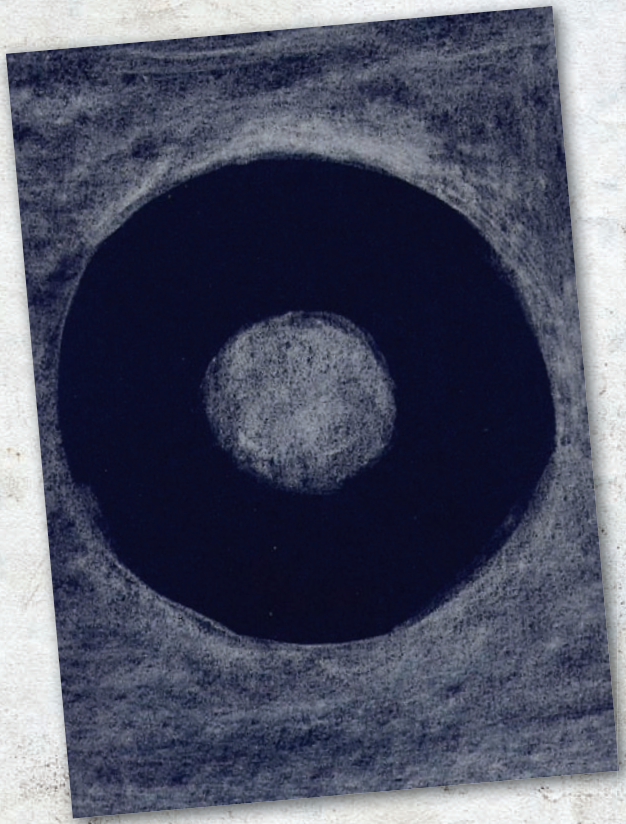
честь ли небыль бытию или обвыкнуться с обыденностью, не решается и другой Буриданов друг, галиматейный принц из Досвидании. Какие слова, то есть вёрдс, почитывает он, истязаемый головною болью, стучащей, как тамбурин, ему по вискам? Вербы, вёдра, недра. На подмостках театра «Глобус» он до сего дня мешкает в своём «туби-ор-ноттуби» – уводящем в тупики монологе. Желание зависнуть промежду двух альтернатив – неприкрытый его подтекст. Настоящий идефикс, который, как заявили бы Будетляне, «в бессчётных умах навяз». Но поэт-космософ Константин Кедров узрел в «глобусной» тезе «Или-или» – освобождающий выход из того мыслительского туннеля, По Кедрову, разделительный союз «или» зияет безвременным промежутком, точно потайная дверца, выводящая наружу из тупика. Это – черепное темя, подобно экватору, раздваивающее планетарный мозг на правое и левое полушария. Это – Ильич на броневике, грохоча «расколеившим» общественно-формационные эры. Это – пророк Илия, по-гагарински едущий на огневозе. Это – одноимённая логическая схема в кибернетических лабиринтах. Воплощает она собою принцип выбора из двух зол, на каких зиждется любая «гуманизость». И усреднённый демографической переписью Буриданов статист вынужден выбрать из них наименьшее. Непротивление наибольшему злодеянию. Как почвенный гумус выбирает себе по вкусу мертвеца. Списку глобальных разделений несть числа. Их постоянно убирают с исторической сцены, как трупы актёров с помоста «Глобуса», где в шекспирову пору отсутствовал занавес. И, наконец, рудокоп изустной речи Кедров сравнил «Или» со свободой и озаглавил союзом разделения свой полувековой труд землероя слов. Свою личную золотую залежь Великого нашего и Могучего. Но разделитель «или» у Кедрова – связующий фактор в извечном «единстве и борьбе противоположностей». Многопластовый ил от осадков речевого потопа прояснён космософом, как археологическое рытьё в долине Шумера. Хотя, конечно, не всё золотце, что блестит, – кедровское «Или» – блестящий опыт альтернативного поэтического старательства. Вроде некоего пребывания между двух психофизических состояний – былью и небывальщиной. По праву это старательство можно сопоставить с истиной провидца, выкованной из черноты космоса мощным ритмом стиха. Ибо по всеохватному формату своей собирательности оно – космично. Книга «Или» – констатация рудокопом «недр пройденных километров», которые прошла русская словесность от Нестора до Интернесторов. Констататор её рудных добыч Кедров продолжает великую традицию будетлян – языковых экспериментаторов. Но в заглавии полного собрания кедровских золотников закодирован ещё один подсмысл. Овечий пастырь Иисус разговаривал со своею очеловечившейся паствой на арамейском наречии, похожем на аккадскую говорильню. Имя его небесного Отца им соответственно и призывалось: «Или». «И здесь радеет Иисусство. Где дышит эрдою судьба». Аккадцы, ва-

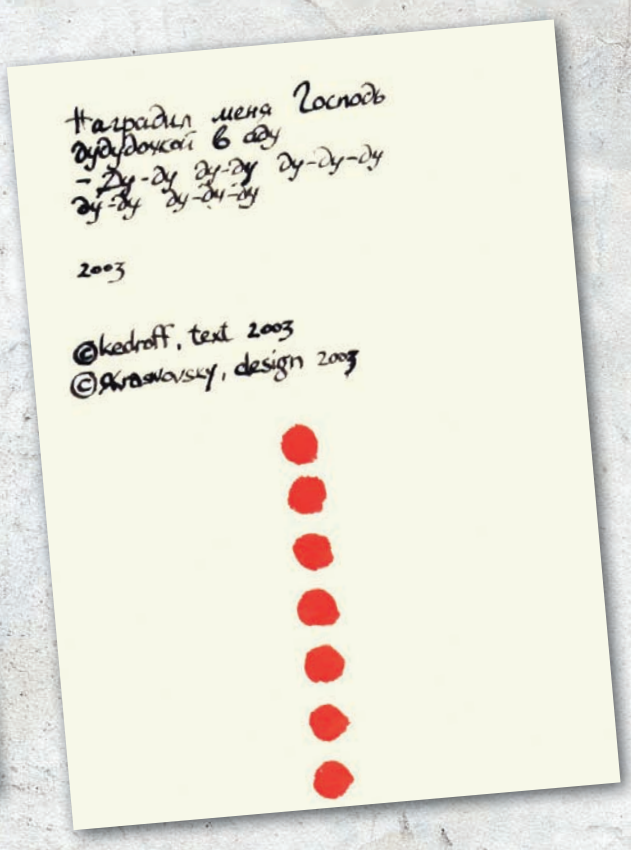
рившиеся в том же вареве лингвистической мешанины Вавилона, точно так же титуловали всевышнего Бога. В аккадских клинописных памятниках сохранились повествования их предтеч – шумерских космософов. Чьи космогонические предположения о зарождении планиды Земля и всякой на ней живности – своеобразны. Высадка инопланидной экспедиции ануннаков у поросшего камышом берега реки Евфрат ознаменовала появление первых цивильных форм на нашей геоцентрической планиде. Свою первую земную стоянку неподалёку от Персидского залива, прежде называвшегося Эритрейским морем, ануннаки после приземления наименовали: «Э.РИ.ДУ». То есть «Дальняя пристань».

Прямо можно себе вообразить, как их космолёт на бреющем полёте спланировал утречком в алые камыши! И отдав в Эриду швартовы, они лабораторно создали вражеский шарж на самих себя – первую человеческую особь. И та зафункционировала как ходячий лексикон, сделавшись имятворцем. Ануннакский пакет рабочих программ, встроенных в имятворца, состоял из патента на письменность и дара праязыковой речи. Что это – из пальца высосанная галиматья? Кто его знает! Древние сказители – боговдохновенные рапсоды, дудя на лужке в свои шумелки, задолго до галиматейного спектакля в «Глобусе» предвестили временной распад как некую «рвязь имён». Сдунуть с места сбалансированный миропорядок – чего сделать кое-кому проще? На одной средневековой медали в память о загадочном уничтожении великой Армады выгравировано: «Или подул и она исчезла». А в 1914 году сербский вертопрах Гравила пошел на цареубийственный Принцип, и дульное пламя его маленькой пистоли воспалило общемировой пожар. Творец теории Метакода, профессор философии Кедров утверждает: всё из праречи вышло и всё в праречь, как вода в приречный евфратский песок, уйдёт. Случаи употребления этой праречи в позднейшее время действительно потрясающи. Раскрытый нами наугад томик Нового Завета приводит одну наглядную картинку. В день Пятидесятницы над одухотворением апостолов их «мясистые снаряды» заплетались во рту так, как если бы те Иисусовы сподвижники опохмелились ядрёною чачой. Логопеды апостольской группой витали огненные языки, символизируя красноречье. У самих опьяненных называют такие отклонения от разговорной нормы «глоссолалией» – или балабольством. Но разноплеменные представители, присутствующие при этом новом Вавилоне, всё-таки понимали каждого апостола в отдельности. Что же касается космософа Кедрова, то красноречивей песенного старателя с речки Вача нарывает он и намывает свои шедевры-золотники. В газетном интервью «Постоянная навечно» Констататор принципиального «Или» поведал нам, его читателям, свой метод язычного старательства: «Поэзия – золото в крови. Без него она, кровь, как народная речь без поэзии, неполноценна». Иначе сказать, не выдюжит выжить. Любой демограф знает, чего стоят народам Земли

такие опустошительные переписи населения, когда среди безграмотного люда начнут выявлять неизвестных миру рапсодов. Земной шар, думается, обезлюдит. Мириады мириад нигде не зарегистрированных языкотворцев творят современную речь по своему образу и подобию. И заворачивают иногда такие теплосердечные оборотцы, на которых бы обжёгся иной толмач Ожегов, сгоряча пытаясь втолковать их в словарный норматив. Шумерская космогония и золотники Кедрова осенены схожего рода ненормативностью. Когда наполеоновской гвардии под конец Ватерклозетного поношения предложили занять унитазную позицию, генерал Хаврон также отрезал – ненормативно: «Дерьмо!» И намёк им был сделан на экскременты явно не кашалота, которыми раньше крепились при изготовлении дорогущие духи, а на человечьи отбросы. Как записано в мародёрских «Трофеях» у Жозе Эредиа, уже судя по фамилии самого почвенного среди плагиаторствующих сочинял. Итак, людей, сочиняющих стихи, всегда были многие мириады. Но стихи читающих сегодня, видать, остаются избранные единицы.

Их количественная колоссальность немногим больше, чем оставалось праведников в Содоме до его истребления ядерными фугасками. Она испещряется тиражом в пятнадцать экземпляров кедровской книжки- раритета «Стирайте» (оформление и издание художника Виктора Гоппе). Под этим акростихийным повелением скрыт её настоящий титульный лист: «СТИхи РАЙского Тела». И вправду стирайтесь, грани выдумки и реальности. Стирайтесь, налёты вечности. Стирайтесь, границы между наносным и истинным. Стирайтесь. Но лихом помянув Эриду, нельзя не прийти к выводу, что все мы, земляне, рдеем. Знаменитая фетовская фраза: «Там человек сгорел» указывает в точности на наше местопребывание в окрестном мироздании. Где именно? «Там, где рдеют барбарисы», – уточнил Райнер Марийка Рильке, германоязычный реликт, успевший мирно «отгореть» до разжигания плана «Барбаросса». Уточнил, разумеется, в пастернаковском изложении. Во всеземном рдении барбарисов ощутима разговорная звукопись архи-германских варваров, оравших: «Бреннен!» Если что-то бренное, краснея, горело. Говоря про богиню Землю, они рыкали: «Герда». По странному совпадению, так же звалась и любимая Райнером Марийкой его будущая мемуаристка, фрау Херта Кёниг. В своих «Сонетах к Орфеусу» не чуждый кириллицы Рильке, точно киркой, чернильным перышком отковырял доступ в бесчеловечный ад. Но того реликтового нео-саксонца, взрыхлявшего в них адскую рдяную почву, не могло от отвращения не передёргивать. Для него она пахла концлагерными рудниками в недалёком будущем. «Прежде чем из ада возвратившийся Орфеус / будет стёрт, как грязь, с лица Земли зазря,/ в её дыры ринется он, вопя: «Я рдеюсь». И той жидкой грязи крикнет: «Ты – ведь я».Пращур самого Рильке, дремучий саксонец, услыхал слово «Эрде» от готов. Готы,





видно, от гуннов, Гунны, видимо, от ариев. Арии по не прозванивающимся теперь языковым каналам – от шумеров. Сегодняшние англоязычники зовут Землю: «Ёр(т)с», хранители иврита: «Эрец». Курд по-своему проурчит: «Эрдц», норвежец также пролопочет нечто похожее на «Эрте». И так далее. До кузбасского рудокопа, для которого добыча им радийных граммов воспета в трубном воззвании Будетлян. Редкоземельные корневые согласные «РД» базисного для индоевропейцев слова «Эрда», действительно, куда более древние, чем это может нам сперва показаться. В одной из первейших эрдовых цивилизаций на Ближнем Востоке, там, где сейчас находится «дыра» – городище Абу-Шахрайн, ими обозначалась не только планетарная сущность Матери-Земли. Но «и всякая земность, то есть руда, или по-старославянски рда. Включая человека». Как указал Андрей Белый в своем филологическом труде «Глоссолалия». Чтобы удостоверится в том, какова преисподняя дырища Авадон, надо лишь послушать рок-джаз «мэйд ин Абу-Шахрайн». Это когда дудящие мизмары и бренчащие альуды воспроизводят композиции из диппёпловского альбома «Ебендэн». Кстати, ярко-пурпурный «Дип Пёпл» тоже значит «рдяный». До багровости бычьей крови. И дудки мизмаров в абушахрайнских чайханах ещё как под стать саксофонным западам. У экс-шумерского джазмена, радей он над фольклорным мотивом, междометие«Shoo-bi-doo» дребезжит в ушах, зардевшихся от волнения. Дюжину крат или два раза по шесть повторенное Кедровым «ду» из его виртуозной виньетки на саксе созвучно шуму Эритрейского моря Лапотников. Об этом и дудит мизмар экс-шумера. Абу-шахрайнец, он по-прежнему обитает в стародавнем Эриду. Но наш экс-шумер, мчась верхом на шестицилиндровом двигателе внутренних сгораний, не забывает в спешке на вечерний концерт приостановится и съехать с пустынной шоссейки в парковочную бухту. Чтобы молитвенно провести ладонями себе по лицу, рдеющему в закатном солнце. И как музыкальная иллюстрация к ежевечернему рдению напрашивается сюда опять-таки «Дип Пёпл», с его пламенной вещью «Бёрн». Брение, как мы теперь понимаем. Ведь недаром искромётное изречение: «Рда еси и в руду вернёшься»,– адресовалось свыше родоначальнику человечества. Согласно всем авраамическим религиям, он и был создан из праха земного. Как брение из духовного плюновения. А божий дар – бренная жизнь – обречён таким образом беспрестанному рдению. Какое мы по сей день под любой краснотою и подразумеваем. Из-за того, что безвредные кислородные атомы перерождаются в убивающий жизнь изотоп, у рды-человека, так сказать, горят аэродинамические трубы. Процесс сгорания, то есть окисления, означает жаровню рдения. Все живые организмы обреченно гибнут от окисления. Без антиоксидантов, которые гибельный пожар могли бы несколько приостановить. Не давая органике живого естества так быстро истлеть в раскаленной топке атомарного кислорода. Как абу-шахрайнский старатель, скребу я в астральном бреду, везде рудники находя, батрачить куда ни приеду в места краснозёмной планиды, что с давних пор звать «Эриду». Абсурдно ли, что древний сакс её также звал своей «Гердой»? Как с возгласом: «Эрдц!» – к ней взывает доныне иракский курд, так занят шифрами звёзд их кодировщик Кедров, добыв лингвокод из вербальных, то есть словесных, руд и тропинку в звёздные недра разведав.

По его констатации, рдеет кровяным краснозёмом руда, Эрта – словами друидов. Не карету ему, а комету! Когда он переводит каретку у своей тастатуры, твердя: «Боже, дай мне в Рунете домен, как домне кровавую эрду».

«Шу-би-ду», – ерундит он по-божески, констататор земной ерунды. Рудокоп ёе устных туннелей, омрачённых без проблеска свету. Оппоненты его разработок отворят языкастые рты, – дескать, всех языков лингвокод будет ими вот-вот опровергнут.

Непробиваемо-стойко, как бородинский редут, воспримут те горе-старатели саму кедровскую идею – словно бумажный лакмус на щелочную среду реагирует, так земляные их лица зардеют. И как древко у флага – нужен знаменью яростный гром. И бесхребетным верам надобно твёрдое кредо. Сама Эрта – убойный театр, а надземный его репертком одобряет сверху те бойни – вроде рубок ливанского кедра.

Приземлив в камыши космолётик на рдяном с утра берегу, как-то раз у бассейна реки, где-то в самых низинах Евфрата, экипаж небожителей Землю по-шумерски назвал: «Э.РИ.ДУ». И земную юдоль с мёртвой точки сдвинул взгляд одного телепата. Кто своим промышляющим взглядом сдвинул жизнь человечью в дыру, – не стоит показывать пальцем, в какую конкретно, – тот послал сюда космолётчиков. Их высадка в Эриду записана лингвокодом, как утверждает Кедров.

Ежели с околоземной орбиты взирать на ходу, как эта Земля превращается в головёшек горящие груды, понимаешь ту телепатию как высшую ерунду. Но Промысл Божий извлечь из словарной руды – архитрудно. И тем дальним Абу-Шахрайном – так потом берег тот нарекут – брежу я как своею прародиной, в чьей земле – моих пращуров деды. Меткий код языка постоянен как вся жизнь красна в Эриду. Постоянную эту для мира и отрыл рудокоп красной Эрды.

Константин Кедров

Конь окон

Распрями свой мозг
в извилистом пространстве
распрямись на мозговом коне
Хрустнули суставы потекли
выкатилась громкосуставная песнь
заполняя вселенную
звездными костями
пирамиды хрустального света
низвергая в низины
В расколотом солнце
голубой молот дробит хрусталь
Громыхнул сиянием
проскакал над полем
всадник серебряной колесницы
раздробился в костях
весь из летящего тела
наполненного теплом

На окне иконном
на коне оконном
закусив удила горизонта
скачи конь
золотых окон
Там тело твое
стало звонким стеклом
сияющим телом
Чтобы тело твое добыть
надо окно разбить
но в окне все сияет
ты весь оконный
конь золотого света
ты окна разверз за карниз
ты звон вонзающий ввысь
оскал голубой
Твое тело – рама другого
небесного окна голубого

Коллаж **Елены Кацюбы** *специально для ПО.*

Александр Люсый
кандидат культурологии
ДООС – текстозавр

Распятие в слове

«Быть» или быть «или»

Презетация книги К.Кедрова «Или» в Русском Пен-центре, 2002 г. Юрий Батурин, Андрей Вознесенский, Константин Кедров.
Фото **Виктора Ахломова**

Это – поле, Куликово-Бородино отечественной словесности, на котором в роли Пересвета и Челубея оказались Пушкин и Дантес. Автор Константин Кедров – Верещагин нашего времени, с «Лермонтолёта» обозревающий, как

залпы тысячи орудий
слились в протяжный вой
Ивана Ильича
не хочу-у-у-у-у-у-у-у... –

переходящий в груду черепов.

Это калейдоскопическое обозрение горы фонетически или метафорически однокоренных тел-слов имеет свою структуру, выражаемую в рефлексии, что

может быть гора кровавых тел
не может быть горою никогда
поскольку тело больше
чем гора любая.

Так что это Верещагин «Апофеоза любви» (а не смерти). Поле слово-боя разделено «нежной линией мажино», где ахейцы держат риторическую оборону «у входа в Елену».

В истории «линия Мажино» осталась военно-декоративным, все время обходимым противником с тыла сооружением, оказавшись апофеозом «странной» войны. По посткуликово-бородинскому полю именно такой войны бродят не менее причудливые скелеты времени в виде распятий и «крестом беременных» дев. Мозг самого поэта больше «не будучи спрессован черепом / расправляя извилины растекался небом». Оплодотворенное поэтическим мозгом мироздание внешне выглядит, если направить взгляд к небу, как вселенская газета («читаемая насквозь / каждая буква прозрачна до звезд»). И если смотреть вглубь неба («извлекая корень из глубины»), открывается глобальный, пронзающий «Крест»:

В окруженье умеренно вянущих роз
обмирает в рыданиях лето
Гаснет радужный крест стрекозы
где Христос
пригвождается бликами света...
Крест из моря-горы
Крест из моря-небес
Солнце-лунный мерцающий крест
крест из ночи и дня сквозь тебя и меня
двух друг в друга врастающих чресл

Поэт существует, «космологея». В постигаемой в ходе такого процесса космологии «время это пространство, свернувшееся в клубок», а «вечность – это недисциплинированное время». Обращение к Канту позволяет сделать и более радикальные определения: «пространство – это транс Канта / а время – блядь / сука-сволочь-проститутка-Троцкий» (так поэт кедрит Канта Калиниградом). Уровень космологичности позволят уловить ритм мироздания, то сжимающегося, когда «в смутном воздухе скомкан Бог», «в точку пули Дантеса» (как это произошло с армией Бонапарта, «дабы в битве Кутузов – Наполеон / победила ДРУЖБА»), то разбегающегося в вечном буддистском взрыве. Но буддистский ритм не отменяет крестообразную мировую структуру. В шахматной эпопее «В'южный ферзь» ферзь – Христос «ставит мат вечным ходом». В результате такого вечного шах-мата вечный «Лазарь встал но гроб остался внутри». И опять –

Гроб раскрывается
как шахматная доска
из него высыпаются

шахматные фигуры
и разбегаются кто куда.

У Лазаря сохраняется шанс ферзем вывинтиться из гроба, «выигрывая себя».

Подобно Набокову-шахматисту, Кедров проявляет больший интерес к шахматным этюдам, а не игре как состязанию. В этюде «Распятие» –

на кресте Христос
рокируется с Буддой
впадая в нирвану
Будда играет в шахматы
Все фигурки
к которым он прикасается
становятся Буддой
и тоже играют в шахматы
Невозможно понять
Будда играет в шахматы
или шахматы
играют в Будду

Христос играет в шахматы
все фигурки
к которым он прикасается
превращаются в распятия.

Если отдаться на волю устанавливаемой Кедровым логике выворачивания мироздания сверху до низу (на уровне микромира наглядно демонстрируемой взаимопереходом чрева в червя и наоборот), оттолкнувшись при этом от отношения автора к Пушкину-персонажу, то сам автор может предстать в качестве такого сказочного пушкинского персонажа, как Голова. Не ей ли, обладающей возможностью стать всадником с головой, обращен призыв: «распрямись на мозговом коне»? Кстати сказать, Голова, по наблюдению В.А.Кошелева, единственный трагический персонаж веселой поэмы Пушкина «Руслан и Людмила». Но в данном случае речь идет об «Ура-трагедии». Так называется одна из коротких драматических поэм, в которой ставятся посткуликовые гамлетовские риторические вопросы. Сам Шекспир, выступающий тут вместе со Спинозой, Радищевым, ЛьвомТолстым, Бетховеном, Мальтусом, Чайковским, Фрейдом, неизменным Пушкиным и другими (странно, однако, что среди них нет философов-лингвистов) ставит вопрос не совсем по гамлетовски:

Быть?
Или быть «или»?
Или!

Личное открытие автор декларирует в своей поэтической «Конституции»:

Граждане
имеют право быть
или не быть
граждане имеют право
на или.

Лозунг «Конституции», посылающий граждан на «или»: «Гениталии всех стран соединяйтесь», – показывает, что поэзия Кедрова не носит строго «головного» характера. Здесь можно вести речь письме древнегреческим способом бустрофедона (как пашут волами), когда одна строка идет слева направо, а другая – наоборот. То есть, в одну строну словопол пашется головой, а в другую – тем, заместителем чего, по Фрейду, стал гоголевский Нос (у Кедрова не пародируемый, а ритуально обожествляемый). Забавно при этом выглядит в стихотворении «Холин»:

монсТРанс
поэзии
эзопии
пирвовремячуменец...–

Иллюстрация **Галины Мальцевой**
к стихотворению Константина Кедрова «Крест».

Визуальное стихотворение **Константина Кедрова.**

авторская сноска (т.е., получается – самоссылка) с оправданием использования ненормативной лексики тем, что так считал нужным делать сам Холин (тогда как в эпиграфе холинское же обращение к автору:. «Костя, никого не слушайте, делайте, что хотите»).

Кедров – мастер поэтического афоризма, мелькающего, подобно молнии, среди плотной дождевой стены чистой («литавры Таврии», «файное фа») звукописи:

Нотный стан – звуковая клетка для птиц
Птицы – ускользающие ноты…
Тишина – партитура, забитая нотами до отказа...

(Неясно, учитывает ли автор все смыслы слова «забитая»). Порою афоризмы имеют так же элементы своеобразного поэтического бустрофедона, как в «Полиндронавтике» – первая строка представляет собой посыл, вторая – возвращающийся к себе палиндром:

Ферзь для королевы лишь псевдоним
МИН СЛОВО О ВОЛ С НИМ
Ветер запада довлеет над ветром востока
АЛ ОКО СЛЕТЕЛ СОКОЛА
Господи пошли мне твой тихий стих
ХИТРО ОР ТИХ
Я гудящий улей живых фонем
МЕНЯ УБИЛИ Б – У Я НЕМ

Это позволяет охарактеризовать автора в качестве поэтического аналога Ларошфуко, Ларошфуко, стремящегося к Паскалю (в построенной с использованием математических знаков «Формуле любви» стрелка стремления людей друг к другу, множеству или бесконечности играет ключевую роль). Поэт, «отченашит», по его словам, «сингулируя в до рояль»; при этом приходит на ум знаменитый философский монастырь Пор-Рояль.

Таким образом, при очевидном стремлении возродить в русской поэзии насильственно прерванные традиции футуризма, творчество Кедрова представляет собой просвещенческий тип культуры (на фоне объективно возрожденческой фигуры Вознесенского). Ибо традиции эти он не столько возрождает, сколько создает заново, засевая на обрисованном выше поле. Со всеми «париковыми» просвещенческими издержками «лесбийских ласк» Марии-Антуанетты и гильотины.

Когда-то Андрей Белый сравнивал себя с Тредиаковским, открывающим дверь новому Пушкину. Кедров занимается аналогичной выработкой языка, разрушением «последнего условного знака» открытым в будущее, который будет способен «открыть птицам поэзию Маяковского», превращаясь в язык вселенской безусловности.

Валерия Нарбикова
ДООС

ВОПРОСЫ

Константин Александрович Кедров – КАК – для меня так и остаётся «как?». Я ему задавала совершенно нешуточные детские вопросы «как?», на которые он никогда мне не отвечал «да как сама знаешь», то есть он не отмахивался, как от дурацких вопросов.

«Ты веришь, что можно вывернуться?» – «Верю. А как?» – «Вот если встать, как звезда: голова наверху, руки распрямить, ноги расставить, – всё, что внешнее окажется внутри, а всё, что внутри – снаружи». Да нет ничего проще. Но это не упражнение. Это то, что нельзя придумать. Это то, что он один увидел, а другой в это поверил. Всё так просто.

Я спросила у КАК, «можешь объяснить мне, только подоходчивей, теорию относительности, потому что у Эйнштейна я как-то слабо понимаю». – «А ты сначала, расскажи, как слабо». – «Ну, я, например, понимаю, что вот если представить автобус в воздухе с двумя водителями: впереди и сзади, автобус одновременно едет в разные стороны и не разрывается». – «А в каком времени?» – «А вообще».

Я, собственно, подумала: стихи могут быть про всё, но не всё будет стихами. А, может, это не я первая подумала. Но зато я первая подумала, что это я первая подумала. Меня даже иногда удивляло, что КАК ничем нельзя удивить – про всё он где-то или видел, или слышал, или читал, или это ему снилось. В общем, это человек-странник, убегающий от себя так далеко, что, приближаясь к самому себе, он становится настолько огромен, что становится невозможно себя охватить, и он удаляется опять на невероятное расстояние, чтобы взглянуть на себя оттуда, чтобы лучше себя увидеть, это человек-волна.

И если путь физически может быть человеком, то это КАК.

Я как-то сказала КАК, я тогда писала роман «План первого лица. И второго», это был какой-то восемьдесят какой-то год, что я не верю, что параллельные линии не пересекаются, и привела ему пример, что вот если взять две параллельные спички и поджечь их, то ведь они пересекутся. «А ты сама знаешь, что такое план первого лица?» – в свою очередь спросил меня он. Конечно, сказала я, план первого лица относится к любимому, я тогда была страстно влюблена, а всё остальное – это фон. «Ты имеешь в виду геометрию Лобачевского», – сказал КАК. Я собственно имела в виду страсть обугленных спичек.

Эйнштейн тоже оказался приятным собеседником. Замечу, что компания была приятна ещё и потому, что ревность в виде пола в ней отсутствовала (то есть мужчины к женщине) – отсутствовала. Так как бывает в так называемой нормальной компании.

А люди говорят: «как пить дать»
значит есть вода.
А люди говорят: «ты плюнул мне в душу»
значит есть душа.
А люди говорят: «с милым и в шалаше рай»
значит есть рай.
А люди говорят: «гореть тебе синим пламенем»
значит есть синий свет, про который люди говорят.
А люди говорят: «мы пахали».
Значит есть мы и значит они пахали.
А люди говорят: «царствия небесного»
значит есть царство, про которое знают люди,
что оно царство.
А люди говорят: «с миру по нитке».
значит есть мир, есть нитки, и есть люди.

Фото Александра Тягны-Рядно. *2004 г.*

Алина Витухновская – Константин Кедров

друг ДООСа

Диалог

М., Изд-во Р.Элинина, 2005.
Дизайн обложки: Виктор Корольков
Дизайн книги: ЯKrasnovsky

А.В. Расскажите, как у вас родилась концепция к 20-летию ДООСа издать совместный сборник в таком составе: вы, Валерия Нарбикова и Елена Кацюба?

К.К. Просто ДООС возник первоначально в этом составе. Лера была моей студенткой в Литинституте. И ее первый роман «Сквозь», вошедший в сборник, отражает ту атмосферу, в которой кристаллизовался ДООС. Там действуют Наполеон, Жозефина, другие исторические персонажи, используются мемуары Наполеона, его переписка с Жозефиной, – там ДООС существует еще в цитатном пространстве. Это были цитаты из мировой культуры, с которыми было очень приятно играть, и одновременно это была наша жизнь. Мы решили эту ситуацию воскресить и именно вокруг Лериного романа. Этот ее роман, на мой взгляд, является пост-прустовским, постнабоковским, но постольку в то время, когда она его писала, в начале 80-х, еще ни Пруст, ни Набоков до читательского сознания почти не дошли, то он воспринимается как роман-полигон. К сожалению, наши надежды на эстетическую эволюцию общества не оправдались. Оказалось, что общество в условиях свободы еще больше деградирует. Запрет на Пруста и Набокова пропал, но эстетическая деградация такова, что не только пост-, но пред-Пруст и пред-Набоков сегодня совершенно не воспринимаются, а если воспринимаются – то только как культовые фигуры.

А.В. Набоков, по-моему, вполне удобоваримый писатель. Я не могу представить таких времен, когда какая-то часть людей и, причем, не маленькая, не воспринимала бы его адекватно. Он в равной степени интеллектуальный и попсовый писатель, и, может быть, только изобилие литературы делает его каким-то аутсайдером. Что же в нем непонятного?

К.К. Смотря какого Набокова иметь в виду. Если говорить о «Других берегах» или «Лолите» – то да. А если об «Аде» или «Бледном пламени» – тогда все намного сложнее. Набоков действительно поставил себе цель найти некий средний путь и нашел его – компромиссный – между попсой и высокой литературой, и многие понимают его в меру своей испорченности, или, наоборот, в меру своей зрелости. Но даже у Набокова есть вершины, которые сегодняшний читатель не понимает совершенно, например, те же самые «Бледное пламя» или «Ада. Вот такого Набокова я и имею в виду.

А.В. А что вы думаете о сегодняшнем читателе? Что это такое? На что он способен? Какой от него прок? Стоит ли ради него писать?

К.К. Нет такого читателя, ради которого стоило бы писать. Я думаю, писатель пишет не ради читателя, а ради самого себя и для себя.

А.В. Наверное, можно сказать, что писатель творит не ради читателя, но имея в виду читателя.

К.К. Да. Вот Лера так и сделала. Потому что после романа «Сквозь» она написала массу вещей, имея в виду читателя, и эти вещи получили достаточную известность и популярность.

А.В. Писатель делает какие-то вещи, имея в виду обывателя, хотя обыватель их тоже не приемлет — он нервничает из-за того, что его считают за дурака. Получается, что имеется в виду читатель как содержатель невыраженного хаоса, а не просто читатель, подобный писателю, но который не может писать. Такого читателя вы имеете в виду?

К.К. Будем откровенны, я никогда не подозревал, что столь безграничны возможности деградации читателя. Это не значит, конечно, что в прошлые эпохи все сидели и читали Достоевского или Толстого. Нет, читали по программе, не больше того. Но все-таки я не мог подумать, что окажется востребованным то, что сейчас господствует в литературе. Это ужасно. Я понял, что как бы я ни старался представить эту деградацию, сколько бы ни вникал в нее, все равно оказываюсь не в состоянии оценить все ее масштабы. Поэтому под читателем я подразумеваю некое дно, бездонное дно.

А.В. Значит, ваша совместная книга вышла скорее как мистическое или сакральное событие, нежели как книга, предназначенная для продажи и для чтения.

К.К. Разумеется, как все, что делает ДООС изначально. Но раньше были политический запрет и

эстетическая диктатура, что способствовало сакральности и неориентированности на какой-либо спрос. Сейчас чисто формально это, конечно, возможно, но метафизически нет. Хотя ни в коей мере ДООСы не жаждут ни массовых шествий, ни массового понимания – ничего этого мы не ищем. Нужна такая массовость, чтобы такие же посвященные в разных точках земного шара получили послание от очень немногих к очень немногим, от одиночества к одиночеству. Это ни в коем случае не чаяние некого массового спроса или понимания.

А.В. Но я в гораздо большей степени не ДООС, чемвсе эти люди. У меня совершенно другие представления изначально.

К.К. Но ты сакральный друг ДООСа. Наше общество не требует какого-либо согласия и прочих вещей. Тем не менее, есть какая-то метафизическая вибрация, которая одних людей притягивает, а других отталкивает. Это вовсе не принцип согласия или не согласия. Это поверх барьера…

А.В. Какие еще тексты вошли в книгу?

К.К. Книга была задумана, как некая прозрачная среда, как буква «К» — некое преломление в прозрачной среде и отражаемая в ней стайка стрекоз. И три автора, что вошли в книгу, вполне смогли воссоздать живой кристалл ДООСа. Потому и книга представляет собой кристалл, живой кристалл. Вокруг романа «Сквозь» сгруппировались мои поэмы «Заинька и Настасья», «Стулья» и, разумеется, главная моя вещь, которая была дважды отмечена как поэтическое событие года на портале GRAMMY.ru, – «Компьютер любви». Плюс я напечатал одно из самых последних моих поэтических достижений, почти никем еще не воспринимаемое (кроме ДООСА) — это «Астраль», поэма, написанная названиями созвездий. В ней многое уходит в «философию Имени» моего старшего друга и единомышленника Алексея Федоровича Лосева, который исповедовал такую религию: «Бог не есть Имя, но Имя есть Бог». Елена Кацюба включила наиболее гностические свои вещи: «Король лир», «Зола Креза», «Цветные шахматы».

А.В. Гностические? Меня тоже часто определяю как гностика, или даже анархо-гностика.

К.К. Это постижение высших истин, минуя религию, своим личным путем

А.В. Может быть, это изначальная психофизиологическая основа творчества?

К.К. Гностицизм — это отрицание того, что бог занимается нашей, человеческой, ерундой. Гностики боролись не против бога, но против штампов и клише Бога, которые навязывали. Богоборчество подразумевает фанатическую веру в бога.

А.В. Значит, я не гностик и не богоборец.

К.К. Ты природа-борец.

А.В. Почему же меня причисляют к этим самым гностикам?

К.К. Просто так называют всякий целостный комплекс космо-астральных идей. Гностики были разные. Общим у них всех было только то, что Бог – это Свет.

Свет – это глубина знания
Знание – это высота света

Алина Витухновская
Константину Кедрову
Собака Абсолюта

Собака Павлова – Гамлет Абсолюта.
Тело пистолета, пристрелившего никчемность
предопределенного.
Щебечущий ловкач, опередивший бунтующего
человека.
Нищая вечность, как размотанный бинт
на траве.
Время Не Быть растеклось,
окровавленных губ убиенного бога
почти не касаясь.
Гамлет – попытка полета из налганной мглы.
Млечное бегство Туда и Обратно.
Выбор из двух, обещающий равенство боли.
Ибо вопрос есть повешенность точки.
Казнь окончательна.
Ноль головы укатившихся лун на крючке.
Скучная курочка ада снесла золотое яичко.
Отрубленным солнцем лица принц упал и скатился
изумленно-немыслимо-мимо, отброшенной тенью
отца в запределье
пытаясь продлиться.
Гамлет – итог совмещенья мглы и ума.
Налганной яви Онегин.
Дуэль двойников после смерти поэта.
Быть и Не Быть – две медали одной стороны.
Принц из Освенцима вечности
на перекрестном допросе раздвоенной
личности.

«Быть и Не Быть» –
Спрашивает Палач
У отрубленной головы,
которая осторожно отвечает ему: «Увы,
Быть и Не Быть одинаково невозможно».

Константин Кедров

Из поэмы «Партант»

Я-мы-он-ты вошли-вышли-ушли-взлетели
входя-взлетая-падая-выходя.
Ты Пес и Тебе Псово и Псу Тебейно
и Я-Ты Пес и Мне-Тебе Тобойно Псово
вот простейшее простейше вотное.

Мне говорят
что я слишком отрешен от чувства
но чувствее меня говориль
чтоет отрешенно-отно
сатурно марсно и плутонно
марсеет юпитериально
венеря в землю и меркуря
сатурнит и юпитерит
землеет венерит и саднеет
Таков Дракон и Таковы Законы Дракона
драконя законя и таково
Итака Атака Киото

Вилли Мельников

ДООС – лингвозавр

Вселенская Драконо-МетаМетафора К.Кедрова

Андрей Цуканов
Людмила Вязмитинова
Нью-Йорк, США

Нуль-Пространство Коня Леонардо

Опираясь на видимую всем реальность, поэтический текст одновременно – и по преимуществу – описывает проглядывающую сквозь нее реальность невидимую, непостижимую для человека. Отсюда и непостижимость поэзии, ее волшебство, вызывающие разговоры о том, что поэт может не то предсказывать будущее, не то влиять на него. Как бы то ни было, то, что называют лирическим «я» поэта, явно пребывает в некоем сопряжении реальностей, а уж о том, что там происходит, мы можем судить по результатам, то есть по поэтическим текстам и тому, что имеет место в видимой реальности после их написания.

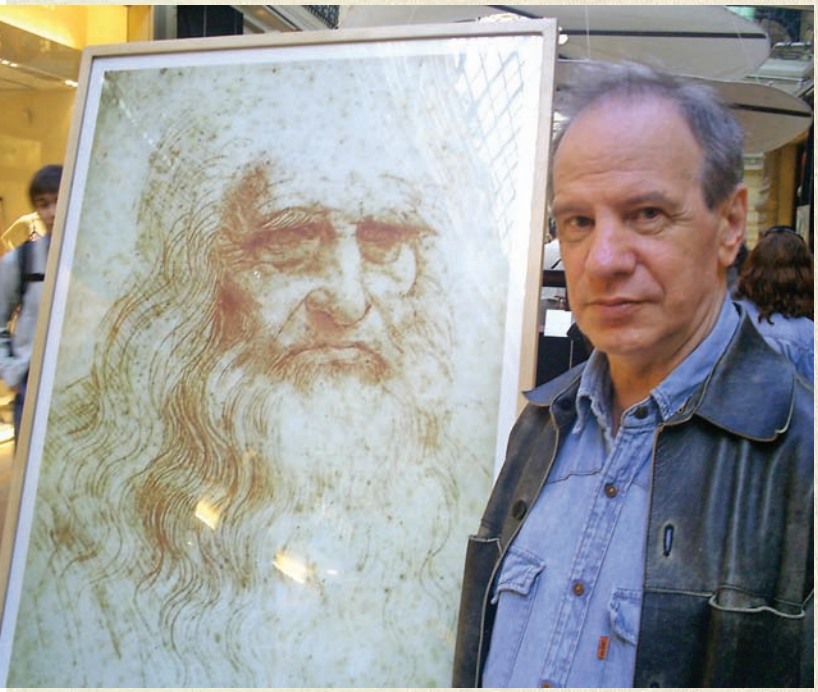


Фото Елены Кацюбы.

Возьмем одну из поэм Константина Кедрова – «Нуль Леонардо», в котором наряду с лирическим «я» автора в вышеупомянутом сопряжении реальностей, названном им «нуль-пространством», присутствуют еще два действующих лица: Леонардо да Винчи и Конь. Вот их описание:

Конь Леонардо
вылит из пустоты души Леонардо
он весит больше
чем Леонардо
ибо пустота помножена
на печаль Леонардо
склоненного над доской
где конь больше
чем Леонардо
хотя он держит коня в руке

Если вернуться к видимой реальности, то речь идет об одном из самых грандиозных скульптурных проектов гениального итальянца: в 1482 году миланский герцог заказал да Винчи скульптуру в память своего отца, завоевателя Милана и основателя династии Сфорца, и Леонардо предложил создать гигантскую, высотой в 7,5 метров, бронзовую статую коня. То есть, действительно, это проект Леонардо, и «он держит коня в руке», но «конь больше чем Леонардо», и не только потому, что огромен, но и потому, что рожден в результате творчества, то есть пребывания уже Леонардо в том самом сопряжении реальностей или «нуль-пространстве», в которое он помещает и своего Коня:

или как Цезарь Борджиа
он хотел бы
он хотел бы быть тем конем
на площадях Рима
как гвельф или гибеллин
черный или белый –
все равно

Леонардо да Винчи работал над этим проектом 10 лет, решая массу математических и технических проблем, связанных как с вычислением пропорций статуи, которая должна была весить 10 тонн, так и отливки ее в металле:

Леонардо вычертил
катапульту
Катапульта
катапультирует Нобеля.
Нобель
вычерчивает Чернобыль
Леонардо задумался о нуле –
если нуль пуст
из чего состоит оболочка?
Точка = нулю
Нуль не равен точке

Однако «печаль» Леонардо была не просто так, он как будто провидел, что проект не будет осуществлен. Так оно и вышло, вмешались шахматные игры политики и войны:

Шахматный конь
ускакал в огонь
опустела доска
в клетке где был конь
осталась тоска
рокировка тоски с доской
рокировка коня и огня

Рисунок **Константина Кедрова**

Предназначенная для отливки коня бронза пошла на пушки, а вторгнувшиеся в Италию французы уничтожили уже готовую глиняную модель Коня:

Так черный конь
преодолевает
белый карьер
арьергард
кавалергард
подставляет грудь
и бьет его картечь
разрывая на черно-белое

Казалось бы, конец этой истории, оставшейся в далеком прошлом. Но здесь мы имеем дело с действиями в «нуль-пространстве», в котором законы как времени, так и взаимодействия действующих лиц иные, чем в видимой всеми реальности:

Я бы продолжил эту игру
в качестве шута Леонардо
или в качестве коня Леонардо
или в качестве Леонардо
если бы минимум пустоты
не был максимум полноты

В итоге Конь гениального итальянца устремляется в неведомое:

тело его белое
и душа его белая
на белом коне
уносится вскачь
оставляя
в доске
пробел.

А теперь такой факт: стихотворение «Нуль Леонардо» написано в 1993 году, а в 1999 году итальянцы по оставшимся эскизам отлили точную копию Коня Леонардо и установили ее в Милане.

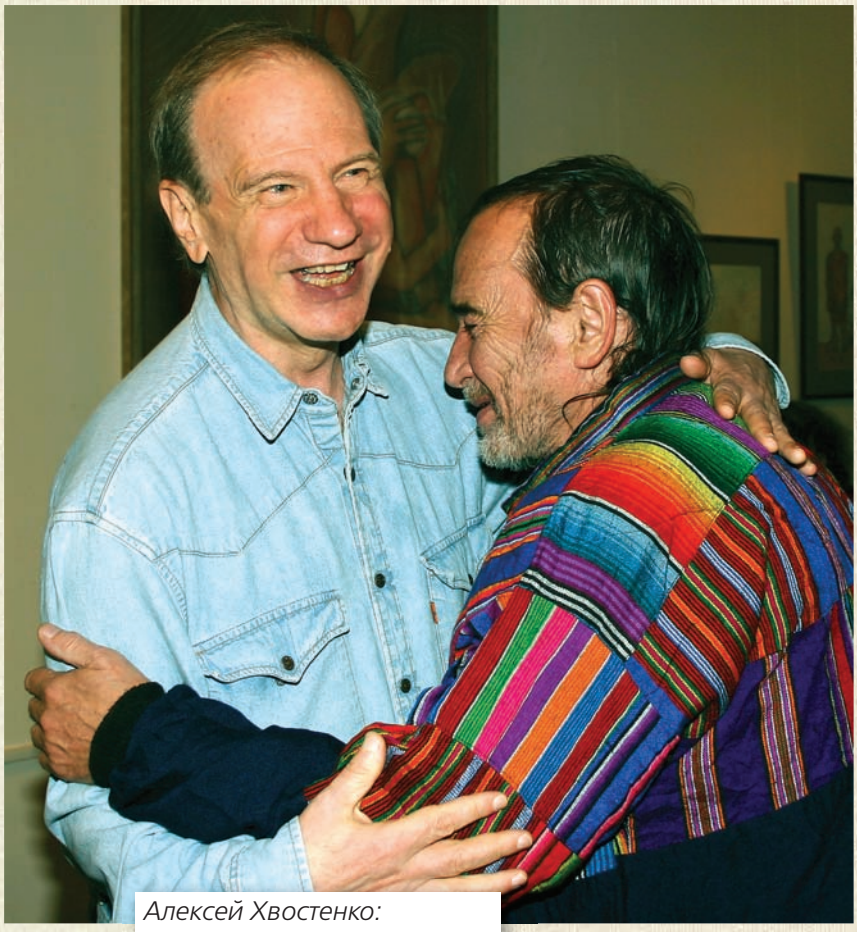


Фото **Леонида Малахова.** *2004 г.*

Алексей Хвостенко: «Из того, что происходит сегодня в поэзии, мне интересней всего ДООС». 20-летие ДООСа в Литературном музее.

Алексей Хвостенко

(1940–2004)
друг ДООСа
Париж – Москва

Часослов

Косте Кедрову

в половине дышали мыши
дважды в четверть пути укладывалась
повозка
святой Мартин кукарекал утренним богом
вишней

я вышел наконец из русского имени в иней
голая кошка собака легла легкой походкой
август блаженному августину кланялся месяц
тучная радуга накрыла поле дороги
открылось окно занятое спящей птицей
глаз тигра держал на ладони симеон столпник
.....
я читал написанное тут же слово
женевьева говорила париж
святая и светлая белей бумаги

26 апр 91
Paris

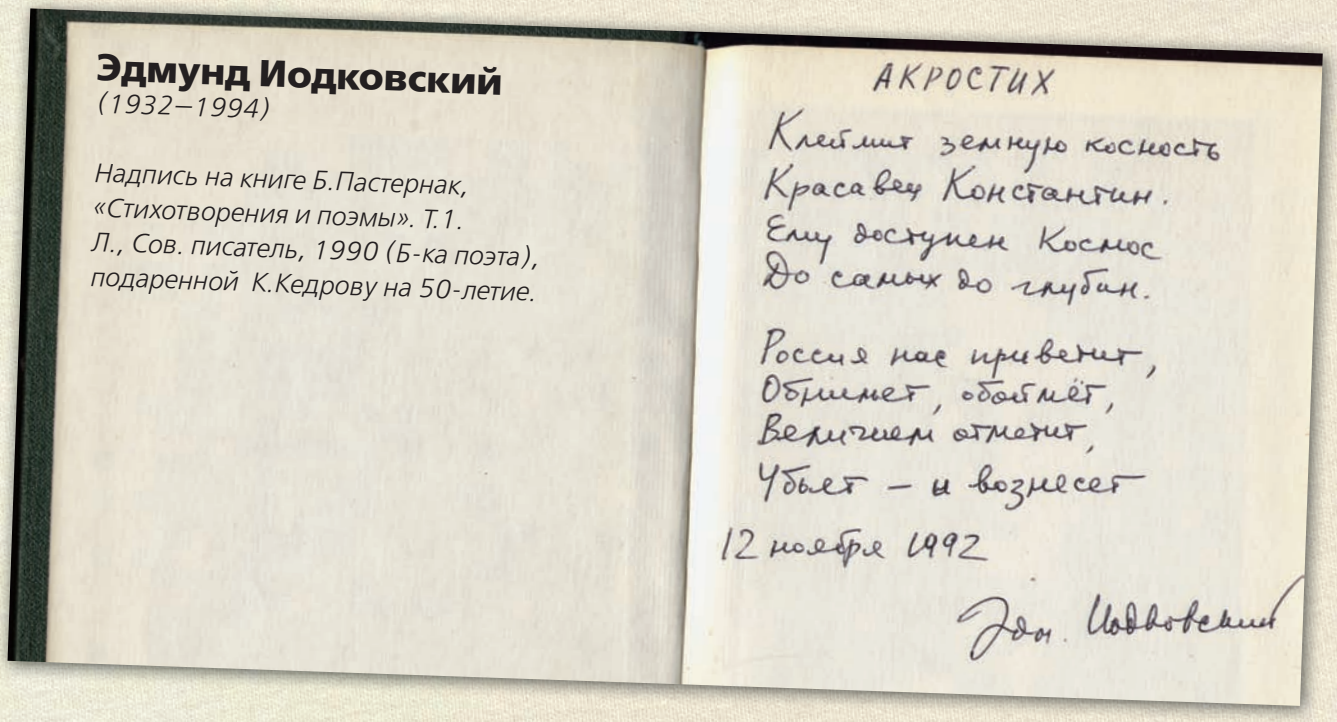
Из интервью, данного в апреле–мае 2004 г. журналу «НЛО» (2005, № 72).

– У вас есть стихотворение, посвященное Константину Кедрову. Как вы относитесь к поискам метаметафористов?
– Они мне гораздо интереснее, чем все остальное. По крайней мере, чем концептуализм... В общем, такие люди, как Кедров, Пригов, я, Анри Волохонский и еще некоторые создают славу теперешней поэзии.

Эдмунд Иодковский

(1932–1994)

Надпись на книге Б.Пастернак, «Стихотворения и поэмы». Т.1. Л., Сов. писатель, 1990 (Б-ка поэта), подаренной К.Кедрову на 50-летие.



АКРОСТИХ

Клеймит земную косность
Красавец Константин.
Ему доступен Космос
До самых до глубин.

Россия нас приветит,
Обнимет, обоймёт,
Величием отметит,
Убьет – и вознесет

12 ноября 1992

Эдм. Иодковский

Фадей Осинников

Формула мировой гармонии Алгарос

Я открыл формулу мировой гармонии. Неизвестно, как это произошло. Очевидно, так же, как происходят все великие открытия – во сне. Подробностей не помню. То ли сон был слишком глубоким, то ли впечатление от самого открытия затмило обстоятельства его рождения. Но суть не в этом, а в формуле. Вот она.

$\mathbf{\Gamma_n = Cos(\pi/n)}$.

С виду ничего особенного. Между тем это действительно универсальная формула гармонии, доказательства чего, разумеется, будут представлены. Но сначала – несколько комментариев.

Как и все великие формулы, она имеет собственное имя. Зовут ее «Алгебра гармонии Осинникова». Сокращенно «Алгарос». По форме это изящнее, чем какая-нибудь формула Колмогорова-Смолуховского-Чепмена и благозвучнее, чем, извиняюсь, формула Френе-Серре или, не приведи господь, Герглотца-Вихерта. А уж по содержанию – тем более.

Итак, n – любое натуральное число от 1 до бесконечности. Натуральные числа сами по себе гармоничны и содержательны, в чем не оставляет сомнений книга Константина Кедрова «Поэтический космос».

n	1	2	3	4	5	6	…	n>>6	∞
Гn	-1	0	1/2	$\sqrt{2}/2=1/\sqrt{2}$	Ф/2=1/2(Ф-1)	$\sqrt{3}/2$	…	$1-(\pi/n)^2/2$	1
$2Гn = Ф_n$	-2	0	1	$\sqrt{2}=2/\sqrt{2}$	Ф=1/(Ф-1)	$\sqrt{3}$	…	$2-(\pi/n)^2$	2

Но в моем Алгаросе натуральные числа действуют не сами по себе, а как вода в турбине, вырабатывающей электричество. То есть река натуральных чисел приводит в движение нашу формулу, создавая при этом изобилие всем известных прекрасных пропорций. И пока еще неизвестных – что особенно ценно. Вспомним, как таблица Менделеева предсказала кучу химических элементов, которые после этого были, конечно, найдены, поскольку таблица Менделеева предсказывает правильно. Так и мой Алгарос. Только он предсказывает не химреактивы, а прекрасные числа.

Однако приступим к делу.

Для начала развернем весь ряд натуральных чисел n от единицы до бесконечности.

n = 1, 2, 3, 4, 5, 6, ..., ∞.

Это НАТУРАЛЬНЫЙ ряд Алгароса.

Теперь для каждого n вычислим **ОСНОВНОЙ** ряд $\mathbf{\Gamma_n = Cos(\pi/n)}$.

Посмотрим также удвоенную величину

$\mathbf{2\Gamma_n = \Phi_n}$. Это **ЗОЛОТОЙ** ряд.

Мы видим, что наш генератор волшебных пропорций работает исправно. Он выдал нам серию знаменитых чисел, в том числе загадочное золотое сечение **Ф~1,618**, занимающее достойное, но скромное место в третьем ряду таблицы под натуральным числом n=5.

Остальные числа не менее прекрасны. Если не более.

$\mathbf{\Phi_2 = 0}$ – магическая черная дыра. $\mathbf{1/\Phi_2 = \infty}$. $\mathbf{\log\Phi_2 = -\infty}$. $\mathbf{X\cdot\Phi_2 = 0}$. $\mathbf{X^{\Phi 2} = 1}$. Вот что творит его благолепие всемогущий ноль!

$\mathbf{\Phi_3 = 1}$ – основа счета. Великая единица, из которой состоит математика и вообще всё.

$\mathbf{\Phi_4 = \sqrt{2}}$ – отношение диагонали квадрата Малевича к его стороне. И всех других квадратов, конечно.

$\mathbf{\Phi_6 = \sqrt{3}}$ – отношение диагонали газеты к ее меньшей стороне. Называется «стандартный формат». Сколько ни дели этот волшебный формат пополам, это отношение остается, как неразменный рубль. Именно поэтому в таком формате делают газеты, открытки, визитки и бумагу, на которой поэты пишут стихи. Между прочим, отношение сторон этого формата равно $\mathbf{\Phi_4}$ – из уважения к Малевичу.

А посмотрите, какие трюки они у меня умеют выделывать!

$\mathbf{(\Phi_5-\Phi_3) = \Phi_3/\Phi_5}$

$\mathbf{\Phi_5\cdot\Phi_5 = \Phi_5 + \Phi_3}$

$\mathbf{\Phi_3/\Phi_3 = \Phi_3\cdot\Phi_3 = \Phi_3}$

$\mathbf{\Phi_2+\Phi_2 = \Phi_2\cdot\Phi_2 = \Phi_2}$

$\mathbf{\Phi_1/\Phi_1 = \Phi_3;\ \Phi_1-\Phi_1 = \Phi_2}$

$\mathbf{\Phi_4\cdot\Phi_4+\Phi_1 = \Phi_1+\Phi_\infty = \Phi_2}$

Не буду вдаваться в математические подробности. Эта нива вспахана в статье «Алгебра гармонии Алгарос». Не буду также развеивать ходячие предрассудки и легенды, которыми овеяна божественная пропорция Ф. Они развеяны в другой статье.

А здесь сразу перейду к существу открытия.

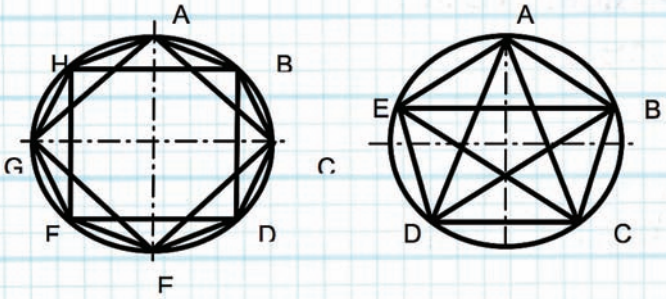
Чувство прекрасного, на котором произрастает искусство, неотъемлемо от ритмических пульсаций,

обусловленных природой эстетического инстинкта. Часы не смогут отсчитывать время, если остановить маятник. Машина не поедет, если не застучит метроном мотора. Так и поэты. Они ритмизуют свою речь мелкой рябью стоп, волнуют ее прибоем строк, окаймленных барашками рифм, колышут валами строф, иногда разделяя их пеной припевов. И, наконец, мерно вздымают и опускают свою поэзию на приливных волнах поэтических циклов и на совсем уж длинных вековых волнах стилей и школ. Так же устроена музыка.

Архитектура, будучи застывшей музыкой, не старается убежать от этого эстетического инстинкта. Она ритмично выстраивает ряды свои этажей, анфилад, окон, дверей, колонн, пилястр, ступеней, балясин и розеток. Это так называемая переносная симметрия. Симметрия плоскопараллельно расставленных одинаковых шпал, штакетин, коек в казарме и гвардейцев в строю, являющих собой принцип «красота в единообразии». Недостаток переносной симметрии в том, что она не имеет завершения. Колоннады можно выстраивать до бесконечности, чем и занимались античные любители прекрасного, обрамляя свои кардо и декуманусы уходящими за горизонт колоннадами и аркадами. Такая красота единообразия величественна, но нелепа. Колоннады и полосатые версты теряются вдали. Это плохо. Красота должна иметь законченный вид, а не таять за горизонтом. Английское слово fine дает ключ к пониманию. «Красивое» = «законченное».

Наш Алгарос именно этим и занимается. Поток натурального ряда он закручивает вокруг своего центра, превращая безотрадно-бескрайнюю Владимирку переносной симметрии в прекрасную центральную симметрию ромашки, снежинки и бриллианта, которые, оставаясь бесконечными, становятся законченными. Fine.

Алгарос имеет ясный геометрический смысл.

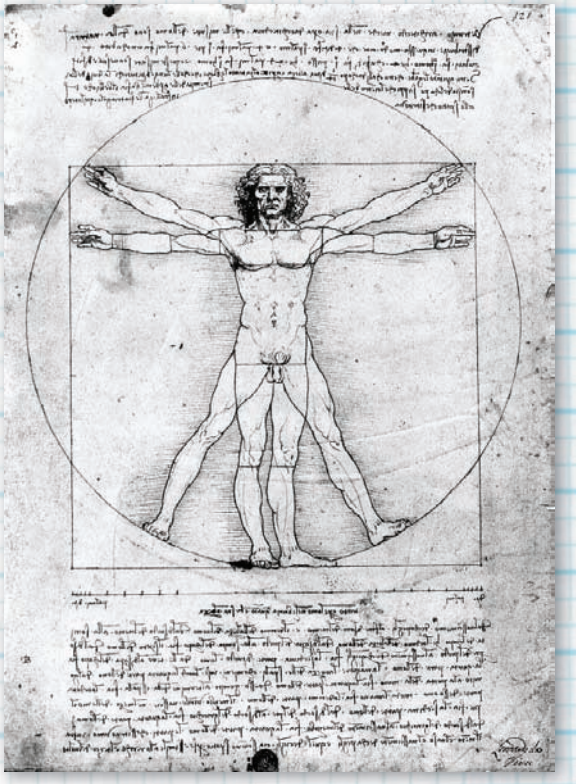


$\underline{n} = 8$ $\underline{n} = 5$

$$\Phi_n = AC/AB = 2\mathrm{Cos}(\pi/n)$$

Если вписать в окружность правильный n-угольник, а потом соединить его вершины через одну, то в случае четного n получатся два (n/2)-угольника, а в случае нечетного n нарисуется n-угольная звезда. Вот что будет при n=8 и n=5. При этом нетрудно заметить, что при любых n **AC/AB = 2Cos(π/n)**, то есть не что иное как золотой ряд Алгароса.

Такие фигуры загадочно прекрасны. Не случайно они всегда волновали ювелиров, эмблемистов, орнаменталистов, живописцев и архитекторов. Например, по этим фигурам построены композиция иконы «Спас в силах» и схема «Витрувианского человека» Леонардо.



Правда, в обоих случаях идеальные пропорции Φ_n не соблюдены, что лишний раз доказывает правоту Мандельштама: «красота — не прихоть полубога, а хищный глазомер простого столяра».

В чем заключается философия Алгароса? Есть две элементарных фигуры – прямая нить, протянутая по кратчайшей линии из минус бесконечности в плюс бесконечность, и окружность – кратчайшая линия, описываемая точкой, вечно вращающейся вокруг другой точки. Линейка и циркуль.

Траектория частицы, летящей из бездны в бездну, и орбита планеты, бесконечно вращающейся по кругу. В этой экономии движения скрыт секрет красоты. Кошка, птица и лань грациозны из-за того, что совершают свои движения по самым экономным, энергетически кратчайшим траекториям. Для разомкнутого мира такой траекторией является прямая. Для замкнутого – окружность. Это разные миры – нет ни целочисленного, ни даже рационального решения задачи о квадратуре круга. Эстетика Алгароса действенна потому, что сопрягает открытый мир прямых линий с замкнутым миром окружностей, причем делает это регулярным образом с помощью натурального ряда чисел.

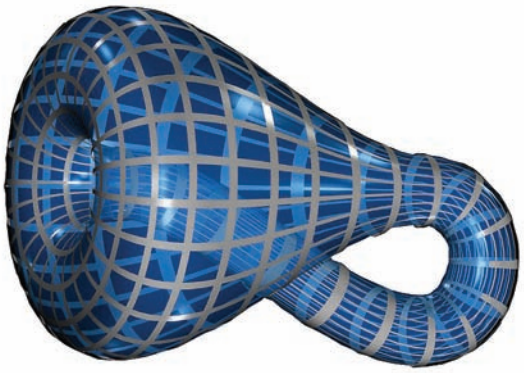
Алгарос охватывает не только действительные числа, но и мнимые. Этим занимается обобщенная формула гармонии Суперaлгарос. Комплексный основной ряд Г·n Суперaлгароса состоит из действительной $\Gamma_n = \mathrm{Cos}(\pi/n)$ и мнимой $S_n = i\mathrm{Sin}(\pi/n)$ частей.

Вот эта сверхуниверсальная формула гармонии.

$$\Gamma\cdot n = e^{i\pi/n} = \mathrm{Cos}(\pi/n) + i\mathrm{Sin}(\pi/n) = \Gamma_n + iS_n$$

Она распространяет могущество нашей системы не только на бриллианты, снежинки и ромашки, но и на множество спиралей – загадочный и прекрасный мир тайфунов и галактик, ракушек и подсолнухов. Это рассмотрено в работах, к которым пытливый читатель в случае чего может обратиться за деталями. А я ограничусь снимком древнего наутилуса помпилиуса, прилегшего на мраморной ступеньке древнеримского стадиона в городе Ромео и Джульетты – Вероне, где я его нашел и сфотографировал на радость всем любителям древнего, прекрасного и загадочного.

Литература: К. Кедров. Поэтический космос. М., Сов. писатель, 1989; Ф. Осинников. Алгебра гармонии Алгарос. «Смекалка». № 1, 2012; Ф. Осинников. Алгарос против «Кода да Винчи». «Смекалка». № 4, 2012.



Константин Кедров

Доказательства

Даже в самой черной дыре
Теорема Пуанкаре
И во впадинах океана
Доказательство Перельмана

Ныне в радости или в горе
Я шепчу: «Перельман Григорий!»
И как эхо из дальних стран
Окликается: «Перельман…»

Вот уже зима на дворе
И доказан Пуанкаре
Не на четверть и не на треть
Всё доказано – жизнь и смерть

Но пытаюсь я у Креста
Доказать теорему Христа
Где система координат
Простирается под и над

P.S. Я написал этот стих вечером 25 ноября и сразу поместил его на ФБ. Тотчас Денис Евстигнеев подсказал мне словесный алгоритм теоремы Пуанкаре из Википедии: «Для любого натурального числа n всякое многообразие размерности n гомотопически эквивалентно сфере размерности n тогда и только тогда, когда оно гомеоморфно ей».

Математически это выглядит так: $\{0,1\} \times S^2$.

Итак:
$\{0,1\} \times S^2$ = люби ближнего,
как самого себя.

Фрагменты из ПОэмы

Константин Кедров

2005 Фиалкиада

Андрею Вознесенскому – поэту и другу

Цветы растут друг из друга
И мы с тобой друг для друга
В солнце макая маки
пишут Ван Гога маки
пишут Моне кувшинки
Врубеля пишет сирень
Все мы друг друга пишем
гроздьями каждый день

Облачаются розы в ризы
опадающих лепестков
Облачаются ризы в розы
розы ризы
цветы цветов
Гроздья гроз извергают розы
и рыдают слезами звезд
гиацинтов слезная россыпь
все оплачет звездами слез

Умирая в мирах принц Гамлет
превращается в гиацинт
Гамма Гамлета тонет в гаме
птичьих клювов где каждый принц

Мани-мани Мане
Маки-маки Моне

Отцвели уж давно
хризантемы в саду
хризантемы в аду
хризантемы в раю
Умирай ум и рай
Ум и рай умирай
Я в саду
как в аду
и в аду
как в саду

Из заоблачных мордочек Анатем
вырастают головы хризантем

Отцвели уж давно
тамплиеры в кострах
а зола еще жжет
еще жжется зола
Тамплиеры в кострах
Хризантемы в садах

Все созвездия стары
в астрологии астры
Из расстреллиевых растров
выдвигается раструб
В наведенном на резкость
глазном окоеме
выступают нарезки
окуляров из сердца

Так из лилии вышел Христос
и по водам
шел в одежде из лилий
общаясь с народом
Эта лилия словно
небесное лоно
породила весь мир
и царя Соломона
«Даже царь Соломон
так не выглядел прежде
как небесная лилия
в белой одежде»
Так и вы облачитесь
в одежды из света
Бог воздаст вам за это
воздаст вам за это

Мы прошли по земле
как Христос по воде
оставляя лилий следы
Мы прошли по земле
и остались в земле
как в земле остаются сады
Семена наших душ
прорастут как цветы
и цветами осыплется сад
А над нами на небе другие сады
звезды гроздьями света висят

«Возвратитесь в цветы» –
говорит Вознесенский
возвратимся Андрюша и я и ты
а когда возвратимся
то вновь возродимся
и конечно же в нас возвратятся цветы

Нам нельзя возвращаться в тюльпаны и в маки
Горл бутоны готовы

Рисунок **Константина Кедрова.**

И еще неизвестные монстры Ламарка
вырастая из горл
возвращаются в слово
Сад словесный ночной гиацинтовый росный
Соловьи айлавьют свои гнезда из горл
Как разряд освежающий нежный и грозный
сад словесный рыдающий как Кьеркегор

Мы не можем ждать милости от сирени
Мы не можем ждать милости даже от роз
потому что все Сирины осиротели
без сирени отрубленных Врубелем слез

На расстреле фиалок фиалка – Флоренский
вросся в вечную мерзлоту
Лепестками фиалок раскрылась Флоренция
там где Данте стоял на ажурном мосту

Я стоял рядом с ним
Улыбался Флоренский
Этот взорванный мост
тем теперь знаменит
что какой-то безумец оккультно-немецкий
убегая успел подложить динамит

Так Флоренский смешивая водоросли
извлекал из них взрывную смесь
Год от года цвести нашей бодрости
Обожаю всяческую смерть
Обожал безбожник жизнь безбожную

Говорят, сам выстрелил в себя
Сам или другие
Все возможно
Он в себя стрелял из несебя
В страсть его уже никто не верил
Даже обожаемая лилия
И в социализм он вряд ли верил
Лишь маячила его фамилия

Лиля Брик кровавая Офелия
в ручейке из крови от него плыла
Так швырнул поэт в ручей свое пустое тело
в будущие мертвые тела
Проплывало тело мимо Данте
Он стоял на взорванном мосту
Маяковский выругался:
– Нате –
Данте плюнул и ушел к Христу

Но печален был фиалковый Флоренский
он стоял на взорванном мосту
вглядываясь в меркнущие фрески
где Иуда припадал к Христу

Там и я стоял у фрески Джотто
средь фиалок цвета всех цветов
Справа был Флоренский
слева Данте –
два живых священника цветов

Сергей Бирюков
доктор культурологии
ДООС – заузавр

Кедров: код вер

21 марта 2010 г. 11-й Всемирный день поэзии в театре Ю.Любимова на Таганке. Поэтический вечер Константина Кедрова. Инсталляция Маргариты Аль.
Фото **Виктора Ахломова.**

Константин Кедров – фигура в российской культурной ситуации уникальная. Поэт и философ, критик и литературовед, драматург и эссеист, газетный обозреватель и автор телепередач о литературе и ее связях с другими искусствами и наукой, создатель и редактор «Журнала ПОэтов», педагог и культуртрегер...

Как поэт Константин Кедров состоялся уже в пятидесятые годы, но вплоть до конца 80-х не имел возможности публиковать свои стихи, «устный период» продолжался 30 лет, лишь в 90-е годы наступает «печатный период». Его теоретические и философские книги также не получали доступа к печатному станку, первая – «Поэтический космос» – появилась в 1989 году, основной же массив своих работ ему удалось выпустить только во второй половине 90-х. И здесь он наконец смог основательно проговорить продуманное за предыдущие десятилетия.

Поэтические тексты и философские эссе Кедрова можно читать чередуя, а можно последовательно, кому что и как нравится. Их именно воспринимаешь в единстве.

Прочитав подряд несколько стихотворений и эссе, ухватываешь основную авторскую интенцию Кедрова: стремление к открытию и собственно открытие. Этим пронизана вся его поэзия. В ней нет места банальностям, повторам избитых истин, точно также в эссе его интересуют такие фигуры как Лев Толстой, Павел Флоренский, Велимир Хлебников, Маяковский, Кант, Даниил Андреев, Набоков... И это всегда новый взгляд, необычный ракурс: такими до Кедрова мы никого из героев его эссе не видели, в их произведениях не всегда улавливали то, что улавливает поэт и философ литературы.

Поэт Кедров часто строит свои стихи как систему доказательств, почти математических! Недаром он проявляет интерес к выдающимся открытиям Лобачевского и Эйнштейна. Но при этом текст его абсолютно органичен. В качестве примера и своеобразного манифеста можно привести «Влюбленный текст»:

Обратно простирается боль
не мечите бисер перед ангелами
дабы они не смахнули его крыльями
след луны остается в сердце
солнце не оставляет следов
камни летят по закону всемирного тяготения
о котором не догадываются птицы
траектория птичьего полета
физикой не объяснима
чтобы догнать себя надо остановиться
солнце отражается не в воде а в слезах
лицо разбивается в зеркалах оставаясь целым
дальше света летит поцелуй целующий Бога
Бог прикасается к нам лучами

Здесь я прерываю цитирование – мне важно показать некоторые особенности поэтики Кедрова, на мой взгляд,

обладающей той мерой новизны, которая недоступна оценщикам литературных произведений, находящихся в достаточной удаленности от предмета оценки. Продвинемся немного дальше, к окончанию текста:

Звук прячется в словах
как фонемы в звуках
вы скажете это филология
нет это просто печаль
о словах

А я бы все-таки сказал, что это и филология в том числе. Филология как актуализатор поэтического. После Андрея Белого и Велимира Хлебникова мы с полным правом можем говорить о том, что филология в целом, а также ее отделы: лингвистика, литературоведение, стиховедение – входят в поэзию как составляющие поэтики и как субъекты описания.

Произошло уже несколько преобразований поэтического. В том числе в России эти преобразования оказались одними из самых радикальных. И Константин Кедров находится на самом острие этих преобразований. Он, если воспользоваться его же строкой, «человек-поэзия», то есть фигура кентаврического плана.

человек-проза пишет стихи
человек-поэзия ничего не пишет
пишет нечеловек-поэзия
не стихи не прозу –
себя

Вот такое заострение: ничего не пишет! И в самом деле: он не пишет, он осуществляется. Ибо многие тексты Кедрова, с которыми мы встречаемся в его книгах или в иных пространствах, они производят впечатление самосозданных:

Части речи
как части тела
вот стою
перед вами гол
я не существительное –
глагол

В поэтической программе по имени «Кедров» происходят удивительные свертывания культурных пластов до тончайшей пластинки (можете назвать ее флэшкой или каким еще словом эпохи нано!). Предположим:

Когда Ахилл догонит черепаху
Он ей подарит череп свой
вот черепаха череп мой
он панцирь твой
о черепаха
Когда свой щит расколет Ахиллес
луна на небе превратится в месяц
но возродится ровно через месяц
когда свой щит находит Ахиллес.

Итак, получена флэшка, теперь вставляем ее в наш мысленный разъем и вот перед нами уже разворачивается вся картина, весь так сказать «список кораблей», может быть только до половины прочитанный. Не разворачивается?.. Ну что ж, сбой программы, нет нужной настройки, несовпадение стандартов... Это в принципе, как и с предшественниками Кедрова – Пушкиным или Лермонтовым, Блоком или Белым. Если нет такой настройки, то конвенция проблематична.

Поэзия – это же величайший обман, иллюзия. «Возвышающий», правда! То есть мы каким-то обманным путем, иллюзорным, контрабандным постигаем некие невероят-

Константин Кедров, Ольга Адрова, Елена Кацюба, Сергей Бирюков в инсталляции ДООСа к 125-летию А.Крученых. 30 марта 2011 г. Музей В.Маяковского.

Фото **Евгения Зуева.**

ные вещи, вроде вот тех, что происходили с Ахиллессом или с Гамлетом, с Улиссом, Дон Кихотом...

Но на самом деле поэт, чтобы свернуть такие огромные культурные пласты до степени нано, он ими должен обладать, должен быть набит как многогигобайтный жесткий диск. В случае с Кедровым не приходитсясомневаться, что это так. В его эссеистике мы попадаем в лабиринт культурных переплетений и взаимодействий. Здесь все переговариваются со всеми: писатели и их герои, философы и их категории! Но постепенно из эссеистики поэт-философ смещается в сторону полилогов, где он вступает в оживленные беседы с Лобачевским и Хлебниковым, Эйнштейном, Минковским, Тютчевым, Риманом, Пикассо... Выясняются важные вопросы времени и пространства, прямизны и кривизны, полетности и приземленности.

«У поэта нет биографии – только вечность», – утверждает Кедров в эссе о Хлебникове.

В случае с Хлебниковым — это безусловная данность. Но и по отношению к поэтам в предельном приближении придется согласиться с этой максимой. В конечном счете, мир, созданный поэтом, в абсолютном смысле принадлежит вечности. Хотя, конечно, можно складывать и биографии поэтов. Но Константин Кедров верен предназначению, он ищет и находит такие формы взаимодействия с мыслезёмом (воспользуемся хлебниковским словом), которые выводят его к действительно довольно рискованным кручам и обрывам времени.

Поэт слушает тишину как особый род звучания. И именно поэтому он способен дирижировать тишиной.

Здесь я хочу сказать, что Константин Кедров – единственный, создающий поэтическую систему и даже несколько систем.

Если мы возьмем такие его объемные вещи как «Допотопное Евангелие», «Невеста лохматая светом», «Компьютер любви», «Ре-Ми-р», «Портант», «Гамма тел Гамлета», «Фиалкиада», то увидим целый спектр поэтических возможностей, создать который под силу какому-нибудь «коллективу поэтов». Между тем, перед нами один и тот же автор, который каждый раз выворачивается из самого себя, наращивая новую поэтическую кожу.

Кедров наиболее последовательно работает в сложной форме анаграмматической поэзии, когда слово как бы «выворачивается». Я это называю переразложением слова, сюда входит и анаграмирование. Вот Кедров выворачивает – переразлагает собственную фамилию, получается: код вер, рок дев, вор дек, век орд, вод рек. Кажется, что игра, но посмотрите, сколько возникает смыслов, и все они зашифрованы, стянуты в одно слово – фамилию поэта.

Термин «выворачивание» – любимый в философской и поэтической концепции Кедрова.

Откуда он к нему пришел и как это получилось, спросил я однажды у Константина Александровича.

Он ответил таким образом:

«Мой студенческий диплом назывался “Влияние геометрии Лобачевского и теории относительности на поэзию Велимира Хлебникова”. Это была единственная форма поэзии, которая меня увлекала. Поместив себя на поверхность псевдосферы Лобачевского с отрицательной кривизной, я охватил собою весь мир. Позднее я узнал, что у Флоренского это называется обратной перспективой.

Однако ниФлоренский, ни Лобачевский, ни Хлебников не догадались поместить на псевдосферу себя. Удивило меня другое. Геометрии Лобачевского, с которой я познакомился в 1958 году, предшествовало очень личное переживание. 30 августа 1958 года в Измайловском парке в полночь произошло то, что позднее я назвал “выворачивание”, или “инсайдаут”. Было ощущение мгновенного вовнутрения мира таким образом, что не было границы между моим телом и самой отдаленной звездой. Я перестал быть внутри вселенной, но охватывал себя небом, как своей кожей. Нечто подобное произошло и со временем: прошлое опережало будущее, будущее оказалось в прошлом. Это была реально ощутимая и вместимая вечность. К сожалению, в течение месяца это ощущение все более ослабевало, пока не стало воспоминанием. Однако это повторилось еще один раз – через десять лет. Где-то 70-е годы я нашел схожее описание у Андрея Белого, когда он, взойдя на пирамиду Хеопса с Асей Тургеневой, “сам себя обволок зодиаком”. Это и есть “я вышел к себе через-навстречу-от и ушел под, воздвигая над”. И еще: “Человек – это изнанка неба, небо – это изнанка человека”».

Инсталляция Маргариты Аль – *иллюстрация к* **«Компьютеру любви».**

Процитированные строки из поэмы «Компьютер любви» – своего рода энциклопедии метаметафоры – еще одного изобретения Кедрова. Впервые он предложил этот термин в 1984 году в журнале «Литературная учеба» в статье под названием «Метаметафора Алексея Парщикова». В книге «Энциклопедия метаметафоры» (М., 2000) Кедров возводит этот термин к Эйнштейну и Павлу Флоренскому. В самом деле, Флоренский в своих работах показал взаимозависимость макро- и микромира, человека и космоса. Кедров ощущает себя наследником этих идей. Он подчеркивает: «В метаметафоре нет человека отдельно от вселенной». В своих книгах он выдвигает идею своеобразного всеединства поэзии, науки, философии, религии, исходящего из всеединства Творца, космического мира и человека. Собственно эту идею Кедров проповедовал на базе русской классики (прежде всего) в московском Литературном институте, где по недосмотру хранителей соцреализма преподавал с 1970 до 1986 года. В это же время он начал вести и приватный семинар, в котором основными участниками были, ставшие в 80-е годы известными, поэты Иван Жданов, Александр Еременко, Алексей Парщиков. Их яркие, густые метафорические стихи тогда уже начинали звучать на домашних вечерах, ходить в списках и даже иногда проникать в печать.

Константин Кедров рядом с автопортретом своего двоюродного деда. Первая в России выставка Павла Челищева в галерее «Наши художники». 2007 г. Фото Елены Кацюбы.

В книге 2001 года «Инсайдаут» Кедров дает 16 определений метаметафоры, в которых он соединяет на теоретико-поэтическом уровне рациональное и иррациональное. В целом философ и поэт движется к некоему высшему антропоцентризму, постоянно утверждая, что «вся вселенная охватывается изнутри человеком, становится его нутром и человек обретает равновселенский статус»: Человек – это изнанка неба, небо – это изнанка человека.

Такое понимание восходит не только к идеям Эйнштейна, Флоренского, но и к поэтическим прозрениям Андрея Белого, у которого в его поэме о звуке «Глоссолалии» рот – это отвердевший космос.

Источников может быть и должно быть много. В своих книгах Кедров оперирует необыкновенно широким для века узкоспециальных знаний спектром тем, проблем, гипотез и доказательств, с таким материалом, который никак не назовешь однозначно ясным – творения Шекспира, Достоевского, Хлебникова,Блока, Заболоцкого, Сведенборга, Даниила Андреева или художника Павла Челищева, который приходится двоюродным дедом Константину Кедрову... Кстати, вот как интересно Челищев разрешил вопрос о спорном и бесспорном. В книге «Параллельные миры» Кедров приводит такой эпизод:

«Однажды у Павла Федоровича спросили:

– Почему вы нарисовали ангела с крыльями, растущими из груди. Где вы видели, чтобы у ангелов так росли крылья?

– А вы часто видели ангелов? – поинтересовался Павел Челищев».

Челищев покинул Россию в 1920-ом году. Он жил в Берлине и Париже, оформлял балеты Стравинского, затем переехал в Америку и оттуда в сороковых годах писал сестре письма об открытой им «внутренней перспективе» в живописи: «Стремиться покорить вселенную бесполезно – прежде всего надо понять самого себя. При прозрачном объеме нашей головы перспектива не плоскостная, а сферическая – а об ней никто не думал за последние 500 лет! Так что брат твой наверное будет иметь чудное прозвище безумца».

Константин Кедров родился в 1942 году, еще был жив его двоюродный дед, но они не могли встретиться. Однако они встретились согласно геометрии Лобачевского, теории относительности Эйнштейна, органопроекции Флоренского, сферической перспективе Челищева и наконец метаметафоре самого Кедрова. Вот эта встреча и будет, вероятно, самым точным объяснением того, чем занимается Константин Кедров в поэзии и философии, глубоко зашагивая в иные области знаний и верований.

Внимание!

Оформить подписку на журнал ПОэтов можно:

- **во всех почтовых отделениях;**
- **в подписных агентствах**
  и их региональных представительствах

*Стоимость подписки на **1** месяц:*

105 руб. **60** коп.

ПОдписной индекс: 81745

Ф.СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на ____ *журнал* | 81745 *(индекс издания)*

журнал ***ПО****этов*

(наименование издания) | *количество комплектов*

на 2013 год (по месяцам):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____

(почтовый индекс) *(адрес)*

Кому

(Фамилия, инициалы)

Доос*тавочная* ***карточка***

ПВ	*место*	*литер*

на ____ *журнал* | 81745 *(индекс издания)*

журнал ***ПО****этов*

(наименование издания)

СТОИМОСТЬ	*подписки переадресовки*	*руб. руб.*	*коп. коп.*	*количество комплектов*	

на 2013 год (по месяцам):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____

(почтовый индекс) *(адрес)*

Кому

(Фамилия, инициалы)

ПОэтов ЖУРНАЛ № 11 (43) 2012

«Журнал ПОэтов»

Учредители
ООО «Эхо планеты»,
Константин Кедров, Елена Кацюба
Идея журнала и творческая концепция
группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Русского Пен-клуба, Факультета Поэтов и Философов Московской академии образования, при поддержке Региональной общественной организации «Центр современного искусства»

Главный редактор
доктор философских наук
Константин Кедров

Директор издательского проекта
кандидат исторических наук
Эльмар Гусейнов

Редакционный совет
Е.Кацюба (ответ.секретарь);
В.Ахломов; С.Бирюков – доктор культурологии (Германия);
А.Бубнов – доктор филол.наук;
профессор **В. Вестстейн** (Нидерланды);
А.Витухновская; А.Городницкий – доктор геолого-минералогических наук;
К.Ковальджи; А.Кудрявицкий (Ирландия);
Б.Лежен (Франция); **В.Нарбикова;**
В.Рабинович – профессор Института культурологии

Арт-директор – **Игорь Маркин**
Макет номера – **Елена Кацюба**

На 1 и 4 стр. обложки – **Андрей Врадий**, работы из серии «Четыре взгляда». Выставка «Тибет. Бесконечность тишины».

Перепечатка материалов только с разрешения редакции.

Тираж 2000 экз.

Цена свободная.
Номер подписан в печать 29.11.2012
Отпечатано в ООО «Графика» в Москве.

Адрес редакции
125009, Москва, Тверской бульвар, д.12 стр.1
Телефоны:
(499) 791 0398 – для справок
(499) 791 0403 – распространение
(499) 791 0409 – факс

Адрес в Интернете www.ekhoplanet.ru
e-mail ekho@ekhoplanet.ru